

Журнал К 2'15

ИЗБРАННОЕ:
Литература.
Рецензии и критика

Литературно-публицистический
Журнал **КЛАУЗУРА**

Журнал КЛАУЗУРА

Избранное: Литература. Рецензии и критика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12197537
ISBN 9785447429300*

Аннотация

В этом выпуске литературно-публицистического журнала «Клаузура» собраны критические статьи и рецензии разных лет, посвященные анализу творчества как современных авторов, так и великих писателей, литераторов, чье творчество составляет наше литературное наследие.

Содержание

В этом выпуске	5
Борис Кунин. «Великая Русская литература, где ты?»	7
Издатели	8
И что делать автору?	9
Счастливые читатели	10
Так что же литература?	11
Виктория Маминева. «Литерадура»	12
Наталия Невская. «О детской литературе»	13
Андрей Овчинников. «Визитная карточка (не механика) Гаврилова»	17
Дмитрий Лисин. «Это Мама». (ред. – о романе Александра Иличевского «Математик»)	19
Татьяна Лестева. «Постмодернизм: сатира, фантастика и положительный герой»	22
Геннадий Муриков. «Вадим Кожинов: за и против»	32
Ася Поплавская (Белоруссия). «Каждое время – лучшее»	41
Александр Фитц (Германия). «О литературе российских немцев»	43
Андрей Бикетов. «Непрочитанным провинциалам»	54
Андрей Балабуха. «Отстраненная причастность или Маленький театр Павла Алексеева»	56
Дмитрий Бестолков. «„Сатанинская вера“ В. В. Маяковского: поэт в оценке Юлия Халфина»	59
Раиса Штепа. «Рай Александра Фитца»	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Избранное: Литература. Рецензии и критика Журнал КЛАУЗУРА

© Журнал КЛАУЗУРА, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Литературно-публицистический журнал «КЛАУЗУРА»

Зарегистрирован в РОСКОМНАДЗОР

Рег. № Эл ФС 77 – 46276 от 24.08.2011

Рег. № ПИ № ФС 77 – 46506, от 09.09.2011

Главный редактор – Дмитрий Плынов

e-mail: text@klauzura.ru

тел. (495) 726—25—04

Адрес редакции: г. Москва, ул. Академика Королева, дом 28

**В этом выпуске
Критические статьи, рецензии и обзоры,
посвященные современным авторам
и литературному наследию, собранные
за несколько лет и ранее опубликованные
на страницах журнала «КЛАУЗУРА»**

1. Борис Кунин. «Великая Русская литература, где ты?»
2. Виктория Маминева. «Литерадура»
3. Наталия Невская. «О детской литературе»
4. Андрей Овчинников. «Визитная карточка (не механика) Гаврилова»
5. Дмитрий Лисин. «Это Мама». (ред. – о романе Александра Иличевского «Математик»)
6. Татьяна Лестева. «Постмодернизм: сатира, фантастика и положительный герой»
7. Геннадий Муриков. «Вадим Кожинов: за и против»
8. По поводу выхода в свет посмертной книги В. Кожинова «Россия. Век XX» (М., 2008, «Алгоритм», «Эксмо»)
9. Ася Поплавская (Белоруссия). «Каждое время – лучшее»
10. О книге для подростков белорусских писателей Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее».
11. Александр Фитц (Германия). «О литературе российских немцев».
12. Андрей Бикетов. «Непрочитанным провинциалам»
13. Андрей Балабуха. «Отстраненная причастность или Маленький театр Павла Алексеева»
14. Дмитрий Бестолков. «„Сатанинская вера“ В. В. Маяковского: поэт в оценке Юлия Халфина»
15. Раиса Штепа. «Рай Александра Фитца»
16. Сергей Калабухин. «Трагедия Дона Руматы, или слон в посудной лавке».
17. О романе роман братьев Стругацких «Трудно быть богом»
18. Ольга Варварская. «Рассуждения о детской литературе»
19. Владимир Глинский. «Литература и действие: вечный обморок на фоне бытовых телодвижений»
20. Владимир Корнилов. «Надругалось над душой время смутное...». Литературное повествование на основе размышлений и иллюстраций из повести В. Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»
21. Петр Алешкин. «Какие книги выбирает время?»
22. Нина Турицына. «Про писателя Михаила Андреевича Чванова»
23. Владимир Аветисян. «Пушкин в Армении»
24. Геннадий Муриков. «Некоторые мысли по поводу книги Л. Бубновой „Письменный стол“ (СПб, 2012)»
25. Дмитрий Плынов. «Попробуй повторить». О романе Сергея Дорохина «Три тысячи километров»
26. Людмила Бубнова. «Возрождение личности»
27. Николай Блохин. «У озера, или вспоминая Вадима Сергеевича...» (о писателе Вадиме Сергеевиче Чернове)

28. Валерий Кузнецов. «Кубанский прозаик Василий Вялый»
29. Анатолий Казаков. «Размышление о книге В. А. Солоухина „Время собирать камни“»
30. Вадим Виноградов. «СОЖЖЕНИЕ». (Почему Н. В. Гоголь сжег рукопись 2-ого тома «Мертвых душ»?)
31. Сергей Прохоров. «О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух!»
32. Сергей Калабухин. «Демоны московских интеллигентов». О романах «Альтист Данилов» и «Аптекарь».
33. Евгений Чебалин. «Александр I ЗАВТРАшней эпохи» (Размышления о редакторе, публицисте и литераторе Александре Проханове).
34. Светлана Демченко. «Беспамятным не подают удачи...». Литературный обзор творчества Людмилы Сотниковой (Лайм)
35. Ольга Кузнецова. О романе Владимира Божбин-Феодоритова «Броуновское движение»
36. Сергей Калабухин. «По прозвищу „Классик“» (о русском прозаике Владимире Орлове)
37. Любовь Рыжкова. «Воля равновесья. Натурфилософия Н. С. Гумилева»
38. Академик Сергей АЛИХАНОВ. «ИСКУССТВО ЖИТЬ ИСКУССТВОМ». Портрет писателя на фоне его прозы
39. Виктор Брусницын. «НА СЕВЕРЕ». О книгах: Яна Жемойтелите. «Недалеко от рая» и Дмитрий Новиков. «Муха в янтаре».

Борис Кунин. «Великая Русская литература, где ты?»

Да что там уж – великая, хотя бы просто – Литература. Так даже и с маленькой буквы не сразу отыщется.

Не потому, что – нет. Есть, к счастью!

Только об этом мало кто знает.

Стоп, стоп! Я сейчас не о классиках, я – о современниках. О тех, кому признание следовало бы подарить при жизни. Потом, оно, конечно, тоже прекрасно. Для издателей. Гонорары платить не надо, да и с авторскими правами частенько... все «хорошо». Вот, кстати...

Издатели

Увы, давно уже нет таких.

Есть издательства. У которых – план, калькуляция, бюджет, отчетность, прибыль... Вот последнее слово так и хотелось написать с большой буквы. Потому что оно – главное! Определяющее сегодня все. Как отношение к тому, что издается, так и стиль общения с теми, кто это пишет.

Да, забыл еще одно понятие: конкуренция. Или – свободный рынок. Это уж как кому больше нравится. Сейчас в этом плане для издательств наступил просто «золотой век». Ибо в интернете есть free-lance.

Русского слова для этого понятия даже и подбирать не стали. А, зачем? Если литературу, в общем-то, практически свели к чтиву, то и с языком нечего церемониться. Кому он нужен сейчас, некогда великий и могучий? Какой-нибудь клерк из издательства написал бриф, на фрилансе нашли тех, кто пообещал все сделать быстро, креативненько и – главное! – недорого. Все, можно считать прибыль...

Представляете, сколько слов в предпоследнем предложении мне подчеркнула функция, ответственная в Word за правописание? А ведь все, вроде бы, написано по-русски...

Разумеется, издательство не может работать себе в убыток. Но, допустим, хотя бы 10% от прибыли можно было пускать на поиск новых талантов? Большинство издателей прошлого именно этим и занимались. В противном случае мир так никогда бы и не узнал о Бальзаке, Дюма, Гюго и многих других. Так они же сами читали, сами отделяли зерна от плевел.

Руководители же нынешних издательств... Интернет пестрит предложениями: «Издадим вашу книгу в кратчайшие сроки в шикарном оформлении и любым тиражом!». За ваши же деньги. Причем, большие.

То есть, сначала стань миллионером (желательно – долларовым), а потом уже начинай писать.

И что делать автору?

Можно «больше десяти лет своей жизни посвятить телевидению». Потом перейти на работу «пресс-секретарем в Торгово-промышленную палату. Как большинство деловых женщин, ценить семейный уют. А детективные романы писать в редкие часы досуга».

Это цитаты с последней страницы обложки многих книг Татьяны Устиновой.

Справедливости ради следует заметить, что написаны они весьма добротнo. Вполне достойным русским языком. А роман «Мой личный враг» (как и одноименный фильм) автор этих строк перечитывал (и пересматривал) уже не один раз.

И именно в этой связи возникает законный вопрос, как можно писать СТОЛЬКО (и качественно – отмечу еще раз!) в редкие часы досуга? Или издательства тех, кто читает детективы, считают... людьми второго сорта? Которые проглотят все, что им ни предложи.

Впрочем, есть ведь еще и серия «Сибирский детектив» Маргариты Южиной. Не буду здесь приводить цитаты из случайно попавшего в руки на отдыхе «шедевра» «Парад нескромных декольте». Ибо лист тут же густо покраснеет от постоянного подчеркивания незнакомых проверке правописания «русских» слов.

Нет, они – русские. Без всяких кавычек. И так говорят сейчас многие. В замусоренном дворе многоэтажки, в заплеванном пивном ларьке... Только литература здесь каким боком? Та, которая – в идеале! – должна учить и воспитывать.

Как театр начинается с вешалки, так и название рассказа, повести, романа должно отражать то, что написано после оногo. «Три мушкетера», «Горе от ума», «Витязь в тигровой шкуре», «Волкодав», «Лейна»... Но, в тексте выше упомянутого «детектива» декольте не фигурирует ни разу. Так, собственно, и героинь, которые могли бы его себе позволить, как-то не наблюдается. Да и, судя по их лексике, они-то и слова такого никогда не слышали.

Броский заголовок? Понимаю. Но, зачем же его «бросать» совершенно отдельно от текста произведения? Или я все-таки отстал в развитии? Это ведь «дамский детективный роман» из авторского цикла «Такие смешные женщины».

Простите великодушно, но, если героини Маргариты Южиной смешные, то кто же тогда ужасный?

В любом случае авторы российских детективов и не только их миллионов на этом деле, судя по всему, не заработали. В отличие, допустим, от Джоанны Кэтлин Ролинг, создательницы знаменитого Гарри Поттера. И она явно писала его не в редкие часы досуга.

Но вернемся к российским реалиям. Именно здесь родились доселе неизвестные остальному миру понятия, как «издательский проект Борис Акунин», «группа авторов, работающих под псевдонимом Евгений Сухов» и многие другие.

Да и сибирский отшельник Александр Бушков, даже работая по 36 часов в сутки, все равно не смог бы создать все то, что приписывают его перу. Один. К тому же стилистические и фактологические нестыковки многих его «сериалов» просто кричат об этом. Тем, кто умеет слышать, конечно.

Но их хотя бы издают. Что очень важно для любого автора. Всем же остальным приходится либо раскошелиться, либо довольствоваться интернетом.

Во всемирной паутине сейчас невероятно много различных литературных сайтов. Правда, злые языки утверждают, что свободно размещенные в сети произведения периодически «берут попользоваться». И имеют на этом деле весьма солидные деньги. Что ж, и так, наверное, бывает. За всем не уследишь и соломку каждый раз не подстелешь. Но это хотя бы дает возможность читателю найти что-то действительно стоящее. Среди десятков и сотен тысяч авторов. Если повезет, конечно.

Счастливые читатели

Хочется верить, что их все еще довольно много. Находят, находят они в сети действительно литературу. И короткие рассказы, и новеллы, и произведения более крупного объема.

Не всем, разумеется, удобно часами сидеть перед монитором, но, есть электронные и аудио книги, да и принтеры с бумагой в наше время стоят не совсем уж умопомрачительные деньги.

Находят! И пишут восторженные отзывы. Ждут появления новых произведений любимых авторов. Рекомендуют своим друзьям и знакомым.

Вот только издатели (то бишь – руководители издательств) или меценаты среди них, как правило, не числятся.

А потом удивляемся, что молодежь либо ничего не читает, либо читает ТАКОЕ... Что издают, то она и читает. А, если одной из первых книг вдруг окажется «Парад нескромных декольте» или что-то аналогичное, то... Возможны варианты, как говорится.

Да и самые действительно добротно написанные детективы вряд ли что-то оставят в душе. А надо бы...

Или духовность ограничивается «обязательным» посещением храма два-три раза в году, а нравственность тем, что никого не насилуют в подворотне или ночном парке, а вызывают на дом. За деньги.

Про иные моральные категории, не говоря уже про десять заповедей, в этой связи как-то и упоминать неприлично.

Вот, чуть не забыл. Еще в сети регулярно проводятся различные литературные и иные творческие конкурсы. Для поиска новых талантов вы думаете? Нет, для очередного награждения приближенных. Правда, наиболее «честные» их устроители даже оставляют примерно процентов десять на участников со стороны. И некоторые из них иногда получают какие-то призы или дипломы.

Не главные, разумеется. Те зачастую расписаны уже на несколько лет вперед. Поименно. Чтобы никого из своих не обидеть.

«Голословные обвинения», – воскликнет кто-нибудь. Не голословные, но и не обвинения. Какой смысл? Так есть, так, похоже, и будет. К великому сожалению.

Пока все завязано на коммерции и звучных титулах вкупе с блестящими орденами, медалями и призами, ничего не изменится.

Вспомните, лауреатами каких литературных конкурсов были Достоевский и Пушкин, Дюма и Гюго, Джек Лондон и Вальтер Скотт? Так то же классики! Сейчас... А для своих современников они были просто известными, читаемыми и покупаемыми авторами.

Кстати, один из литературных сайтов провел как-то опрос среди своих читателей, попросив каждого назвать фамилии трех наиболее известных (и – любимых!) ныне живущих русских писателей. Грустная картина получилась.

Так что же литература?

А, ничего... С одной стороны, она, безусловно, есть. Вот только дойдут ли написанные сегодня действительно талантливые произведения до наших далеких потомков или затеряются в дальних закоулках интернета – большой вопрос.

С другой же... Море детективов, женских романов, низкопробных пародий на фантастику и фэнтези – как среди этой россыпи ярких стекляшек найти алмаз? И, главное, кто будет искать?

Времена Сытина, Морозова и Мамонтова, похоже, безвозвратно канули в Лету. Писатели же, за редким исключением, во все времена были людьми небогатыми. Пока не становились известными. До этого же момента им никак не обойтись без помощи и поддержки извне: меценатов, издателей, коронованных особ или благотворительных фондов.

И, пока этого не произойдет, «трое из леса» так и будут показывать лорду Сварогу «парад нескромных декольте». Или что-то еще более «крутое».

А общество без Литературы постепенно превратится... Не дай Бог – это увидеть!

Виктория Маминева. «Литерадура»

В последнее время, я редко хожу по книжным магазинам. Перечитываю любимые томики.

Недавно появился повод зайти в книжный – День рождения подруги. Да, ещё не перевелись девушки, считающие литературу лучшим подарком.

О, этот современный книжный мир! Обложки – одна другой ярче, названия – одно другого завлекательнее. Мы окунулись в чтение...

«Рrrr! Поберегись! Я – волоокая стерва. Как никто другой, умею измочаливать мужские сердца и потрошить их кошельки, в обмен на моё совершенное тело»

«Сёдня в бутике потратила 4000 долларов на юбку. Потом проехала на огненно-красном „Порше“ по Москве, – решила посмотреть на лохов, чтобы поднять себе настроение. О, как это ужасно, – зарабатывать меньше 5000 долларов в месяц! До чего ничтожны эти мелкие людишки, которым никогда не бывать в Куршевеле и в Монако. Но моя депресса не прошла – ведь на вчерашней тусовке я видела тётку с сумочкой, похожей на мою»

«Мы – первое поколение, которое начало сексуальную жизнь в 14 лет. С тех пор, я коллекционирую мужиков».

Думаете, я гиперболизирую? Ага, попались, – вы давно не были в книжных магазинах!

Авторы анонсов к подобного рода книгам, выражаясь языком молодёжи, «мегажгут». Если верить им, то каждый том, ни много, ни мало, – «гениальное отражение реалий современной жизни». Полистаешь такую «литерадуру», и понимаешь, что:

1. Полстраны – родственники миллионеров, не считающие «баблосы», и сильно скучающие, поскольку, когда есть всё – жить как-то неинтересно.

2. Мужики – животные. Кто – телок, кто – баран, но, в основном, конечно, козлятушки.

3. Женщина «немного за тридцать» – ненасытные мегеры, которые имеют за спиной багаж из полсотни брошенных неофициальных мужей.

4. Молодёжь – циники и аморалы, единственная цель которых – пойти на party, достать «кокс», и поиграть в Камасутру с первым попавшимся партнёром. И неважно, какого он пола. Однополая любовь, кстати, непросто описывается, а рьяно пропагандируется.

В чём тут дело? Откуда такое засилье подобной «литерадуры», которая, в общей массе, не несёт художественной ценности? Конечно, немалую роль играет коммерческая выгода. Видимо, издатели искренне считают, что «чернуха» под грифом «реалистично» пользуется большим спросом, нежели литература, действительно достойная подобного определения. Легче идти по проторенному пути. Только достойные издатели, не учли одного – к сожалению, наша страна сейчас – не самая читающая в мире. И книги берут в руки, в основном, люди образованные, интеллигентные, которым вряд ли интересны все эти «потаённые стороны человеческой гадости».

Впрочем, многие «гении» публикуются за деньги. За солидную сумму можно напечатать любую дребедень, сопроводив её анонсом «внимание, талант!». Иные дамочки уверены в том, что достойны опубликовать автобиографию: «В 5 лет меня укусила коза, и я поняла, что особенная. Мне предначертан необычный путь...», в подробностях излагая свои однообразные рабочие дни и похмельные зори.

В общем, из магазина мы с приятельницей вышли с пренеприятным осадком.

Но конец у этой истории хороший: в итоге я подарила подруге том собраний сочинений Ивана Бунина. И мы обе решили перечитать на досуге Льва Толстого.

Наталия Невская. «О детской литературе»

Человеку свойственно использовать в речи поговорки, присловья, пословицы – так удобнее, не нужно напрягаться. Это, можно сказать, словесный фастфуд, и, в общем, в нём нет ничего плохого. Кроме одного. Мы перестаём осмысливать сказанное, оно превращается в пустую формальность, или штамп. Вот, к примеру, шаблонный лозунг: «Всё лучшее – детям!» Это что лучшее? Питание? Но оно – такое, какое есть, выше головы (как говорится!) не прыгнешь. Уход? Прекрасно, когда он хороший. Но столько леденящих душу историй, СМИ не дремлют и снабжают обывателя страшилками об отцах-педофилах, мамашах-наркоманках, бабушках-убийцах. Образование? Возможно.

Но только, когда оно качественное. Потому что самообразовываться нынешние дети не умеют, и «всем лучшим» они, увы, обязаны не книгам, а компьютеру.

Книге теперь тяжело, но тяжелее без книги ребёнку, он просто этого ещё не осознаёт.

А взрослые о книге уже забыли. Взрослые вообще забывчивы, они, например, совсем не помнят, что были сперва детьми, а потом превратились в будущее своих родителей («дети – наше будущее!») и взяли с собой во взрослую жизнь всё, что отложилось в их детской памяти. Ведь «все мы родом из детства». Даже сейчас детские книги, несмотря на повальную компьютеризацию, по-прежнему тихонько, по мере сил делают своё извечное дело – влияют на подсознание маленького читателя, обучая хорошему (или плохому).

Куда они делись, книжки моего детства? Кем зачитаны до дыр? Я не знаю. А они же были – издания «Золотой библиотеки». Я как сейчас помню: «Маленький лорд Фаунтлерой», чуть потрепанный томик, в тёмно-вишнёвой обложке, с золотым обрезом и неперменной буквой «ять», придававшей ему торжественность, изящество и некую надменность.

«Леди Джен», «Маленькие женщины», «Крылья мужества» ... Как они попали к нам в дом, когда уже давным-давно должны были уйти в небытие? Этих книг надлежало не только стесняться, но и бояться, о них не следовало упоминать. А я вот помню восторг, окатывавший меня всякий раз, когда я открывала своего любимого «лорда» и входила туда, внутрь, к маленькому мальчику, не боявшемуся ни свирепого на вид деда-графа, ни такого же свирепого дога. Хорошо, что сейчас эти книги появились, правда, в мягких, дешёвых переплётах, на отвратительной бумаге, с огромным количеством ошибок. Спасибо и за это! Хотя обидно, потому что их внешняя неряшливость и непрезентабельность могут оттолкнуть незнающего. Книжные магазины ныне – нечто среднее между ярмаркой и борделем. Есть всё, на любой вкус. Издатели всерьёз полагают, что книжка, как девка с панели, должна зазывать и, главное, скорее продаваться. Поэтому в глазах рябит от изобилия кричащих, блестящих и, по большей части, безвкусных обложек. Но Андерсен говорил: «Позолота сотрётся, свинья кожа остаётся». И нам остаётся море крови, насилия, пошлости, так называемое современное читиво.

«Опять читаешь!» – говорили мне с лёгким упрёком. Я третий год подряд не могла закончить охотника, вышиваемого крестиком на полотенце, бабушке в подарок. Так и не закончила! Зато сейчас, когда ребёнок читает, мы ходим вокруг на цыпочках и умиляемся. Потому что поняли: ни компьютер, ни TV не заменят человеку воображения.

Флобер возражал против иллюстрирования своих произведений, полагая, что это мешает читателю строить свой собственный мир с любимыми героями. Бедный Флобер! Увидел бы он хоть одним глазком наши многочисленные надругательства над литературой, называемые чудным словом «экранизация»! Да сейчас и этого нет. Мы кинулись воссоздавать на экране отечественную действительность, подчас убогую, подчас жестокую, а чтобы не было уж совсем страшно, разбавляем её сладкими сериалами в стиле «сделайте мне красиво». Так от чего всё это пошло-поехало? Может быть, от нашей советской детской лите-

ратуры? Я помню не только «маленького лорда», но и одну странную книжицу, тоненькую, замурзанную, совсем малышковую, с чёрно-белыми картинками. Речь в ней шла о революции, да, да, именно о революции в «отдельно взятом» кукольном сообществе. Тряпичный клоун Яша и такая же растрёпанная, грязная кукла Акулина (судя по нынешней логике вещей, Яшина сожительница) выкидывали двух фарфоровых кукол, Зизи и Лили, из их бархатных и кружевных постелек... Чем это у них там закончилось, не помню. Наверное, тем же, чем и у нас, во взрослой России.

Чтобы противостоять всем этим «цветочкам в альбом» – «лордам», «принцессам», «серебряным конькам» и пр. в СССР спешно ковалась платформа создания идеологически выдержанной литературы «для детей и юношества». И получилось! Это сейчас термин «патриотизм» звучит как ругательство, потому что люди устали от ходульности, а тогда патристическое воспитание являлось главной государственной задачей. И в детскую литературу ринулись истинно одарённые, равнодушные люди, уже готовые творцы. Особенно повезло детской поэзии. Я имею в виду таких корифеев как К. Чуковский и С. Маршак. Да взять хотя бы «перевёртыши» блистательного Д. Хармса! Классикой детской прозы стали произведения Гайдара, Кассиля, Катаева. Ничего плохого говорить о них не собираюсь, писатели эти по-настоящему и талантливы, и интересны. Однако есть нечто такое, что объединяло и отличало их творения от тех, далёких книг, заклеянных и подвергнутых аутодафе. Кстати, аутодафе не вымысел и не усугубление реалий. Моя учительница литературы вспоминала, как пионеркой жгла с товарищами по идее на костре книги «буржуазного содержания» – под руководством товарища Нины, под дробь барабана, и что это казалось ей увлекательнейшим занятием! Напоминает, не правда ли, сюжет Рэя Брэдли, «451 градус по Фаренгейту»?

Впрочем, умные, точнее, предприимчивые люди во все времена умели пользоваться ситуацией или хотя бы конкретным сюжетом. В 40-е годы XX века известный драматург, которого называли «одним из зачинателей» советской драматургии, представил на суд неисклещённого театра пьесу «Машенька». Долгое время она с ошеломляющим успехом шла на многих подмостках страны, став даже любимым радиоспектаклем. В пьесе главная героиня, маленькая девочка, один к одному повторила историю оплётанного лорда Фаунтлероя, только перенесённую в наши времена. Видимо, автор пьесы, родившийся в 1904 году, всерьёз полагал, что «маленький лорд» без остатка сгорел в революционном костре, и за руку его, автора, никто не схватит – в те поры, в отличие от нынешних времён, плагиат ещё не вошёл в моду, и автор никогда не стал бы хвастать неблаговидным поступком. Но сейчас речь не о плагиате, и я вернусь к теме: так что всё-таки было в старых книгах, за что их преследовали? Стержень их, или, как сказали бы сейчас, фишка – то, что в них маленькие герой или героиня всегда преображали мир.

Мне могут возразить: и Тимур по-своему изменял действительность, воюя с плохим Квакиным, и Мальчиш-Кибальчиш сражался с буржуинами. И «мальчик из Уржума» помогал взрослым в революционных баталиях. И Павлик Морозов, как известно, тоже.

Но маленький лорд Фаунтлерой не боролся за общую, весьма расплывчатую идею.

Он вообще не боролся, а любил. Любил конкретных людей, заботясь о них и искренне желая им счастья. А от этого теплее и лучше становилось всем вокруг. Потому что отдалённая во времени и пространстве идея всеобщего благоденствия обычно чревата физической, а не литературной гибелью «отдельно взятых» личностей, нечаянно или случайно угодивших «под колесо». Вот мы и привыкли говорить о завтрашнем общем благе, жертвуя для него сегодняшним спокойствием, здоровьем, воздухом, водами... Жизнь, в конце концов! Кроме этих «глобальных» соображений, есть ещё одно, поддерживаемое детской психиатрией. Ребёнку для обретения силы и уверенности необходимо так называемое замкнутое пространство, ограждённое «родными стенами», которые всегда помогут. Подобный дом раньше звали уютным, но слово «уют» вместе с «мещанством» попало в категорию прези-

раемых определений. «Фу, подушечки, слоники, канареечки». Фукать-то фукали, но объяснить, почему это плохо, не смог никто. Вот и дворов у современной детворы нет, а раньше были! Но постепенно исчезли. А начали они исчезать, вместе с другими атрибутами «мещанства», как раз из советской детской литературы. Такой беспредельной неустроенностью и сиротством веет со страниц этих книг! Мне кажется, что и сами писатели ощущали подобный душевный надрыв, потому что в стройном ряду их «закалённых как сталь» произведений вдруг возникали романтические «проколы». Например, «Голубая чашка» у Гайдара, или воздушная сказка, вставленная Кассилем в повесть «Дорогие мои мальчишки», или сочное, вкусное описание одесского быта у Катаева. Даже революционно-угловатая сказка Олеши «Три толстяка» чуть сглажена образами девочки-куклы Суок и гимнаста Тибула.

Но это были редкие вольности, и в книгах, входящих в обязательный перечень школьных пособий, бесприютность воспевалась как необходимое состояние души. Может быть, по этой причине власти предержащие нашей страны, взращённые на «обязательной литературе», так холодны к детским бедам и у нас такая армия беспризорников?!

Однако известно, что любая система лучше, чем её отсутствие. В СССР детской литературой, как и самими детьми, занимались. И по количеству педофилов на душу населения те времена в тысячи раз уступают нынешним. А затем пришла госпожа Перестройка... «Эпоха перемен» – термин, употребляемый в качестве ругательства и, как принято считать, в качестве классического китайского проклятия. Справедливости ради, следует заметить, что вся хроника страны Советов, включая нынешний период, не что иное как перманентная эпоха перемен, поскольку представляет собой этакий аппендикс, или червеобразный отросток общечеловеческой истории, который пребывал в воспалённом состоянии, начиная с 1917 года. В медицинской практике подобное положение вещей называют «продолжительной, тяжёлой болезнью». И отправится ли пациент в лучший из миров или выживет, зависит от самого пациента. Но бог с ним, с «пациентом», сам, в конце концов, кашу заварил! Но у «пациента» есть дети: поколение за поколением проходило эту порочную школу жизни, и сейчас больше всего наши победы в области перемен ударили именно по ним. Кончились бесплатные занятия музыкой и спортом, а забытое слово «кружки» ассоциируется нынче, изменив ударение, только с пивом. Исчезли бесхитростные и недорогие зимние забавы. Взамен супермены, супержвачки, супермордобои и уже ОМОН, охраняющий вход в школы и гимназии, сменивший почивших в бозе классных дам.

Низвергнутая кукла Зизи с отбитым носиком канула в Лету, реку забвения, а её место заняла Барби с великолепно развитыми формами и кучей нарядов. Не хватает лишь малюсенького шприца для кукольных наркоинъекций. А мы, в очередной раз ухитрившиеся выплеснуть с водой и ребёнком, ничего не можем противопоставить ни Барби, ни жизни в стиле «пепси». А наоборот, стараемся догнать и перегнать Америку уже не в области кукурузных реформ, а в части сексуальных свобод и достижений.

Мы столько лет пропагандировали лозунг «жалость унижает человека», забыв истинно русское правило «жалеет – значит, любит». Забыв, что красный цвет в «Бесике», русском флаге, означал в древней символике не кровь, а великодушие.

И во всей этой печальной истории одну из главенствующих ролей играет – не удивляйтесь и не возражайте – детская литература, ибо она есть, простите за высокопарность, духовная пища, а проще, то, что нечувствительно заполняет детские головы и души.

Жаждете подтверждения? Пожалуйста! Вот отрывки из серии «Золотая коллекция детского сада». Как же доставалось «Золотой библиотеке» от советских скептиков! Не только за содержание, но даже за название. «Пошлость!» – в один голос твердили скептики. А в результате у их потомков родилась «золотая коллекция», и живёт себе, поживает. Впрочем, «потомки» эти – из той самой общей «конюшни», где тусуется наша «золотая молодёжь»...

Итак. Из «Букваря», составленного одним, очень раскрученным детским пиитом:

*Вот заходят гномы в дом,
Осмотрели всё кругом
И нашли пропажу... Где?
«Г» висела на гвозде!*

А это вот из его же «Считаря»:

*10 негритят пошли купаться в море,
10 негритят резвились на просторе.
Один из них утон, ему купили гроб.
И вот вам результат:
9 негритят!
Один негритёнок пошел купаться в море,
Один негритёнок резвился на просторе.
Но не пошёл ко дну – завёл себе жену.
И вот вам результат:
10 негритят!*

А вот такая же воспитательная лирика дамы-поэтессы, из той же «коллекции»:

*Катя, Катя, Катюха
Запрягла петуха.
Петух заржал,
На базар побежал.*

*Витя-титя-карапуз
Съел у бабушки арбуз.
Бабушка ругается,
Витя отпирается:
Это, бабушка, не я,
Это – рыжая свинья!*

Ну как? Вот и получается, перефразируя известное, что «каждое поколение имеет те книги, которые заслуживает». Вдобавок «подростающее поколение» смотрит детские фильмы, сказки и мультфильмы с убийствами, взрослые фильмы с насилием и убийствами, взрослые новости с убийствами... Свою лепту в развитие наших детей вносят и рекламы, например, очень популярная не так давно, но, к счастью, уже сошедшая с экранов телевизоров: «Хлеб и Рама созданы друг для друга». Да нет же, не созданы они друг для друга! Хлеб, который «всеми голова». Хлеб, который по народной традиции не следует переворачивать «вверх тормашками» – голове такое не по вкусу. И импортный заменитель масла, заставляющий вспомнить анекдот: «уже мажется, но ещё пахнет», с именем «рама», навевающим думы о кришнаитах.

Мама мыла раму. Домылась! И мы не рабы. Ой ли? А не рабы ли мы жестокости, бездуховности, в общем, культуры, больной и потому забывшей, что основное чудо не йогурт, а горячее детское сердце, пока оно ещё, по младости ногтей, золотое!

Андрей Овчинников. «Визитная карточка (не механика) Гаврилова»

Писатель Анатолий Гаврилов хорошо известен в литературных кругах. На прозу Гаврилова отзывались: Андрей Немзер, Владимир Потапов, Андрей Василевский, Игорь Клех, Александр Касымов, Кирилл Анкудинов, Александр Михайлов и др. Его произведения включены практически во все сборники современной русской литературы, о нем упоминают учебные пособия по литературе. Рассказы Гаврилова печатали такие «толстяки» как: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Юность», «Советская литература», «Соло», «Волга». Анатолий Гаврилов член российского ПЕН-клуба, он удостоен медали Международного биографического центра в Кембридже за творческие достижения, сведения о нем и его творчестве включены в справочные издания упомянутого центра. Гаврилов дважды номинировался на премию «Букер» и однажды на «Антибукер» – шорт-лист премии «Братья Карамазовы». В 2010 году ему присуждена премия им. Андрея Белого, в 2011 «Чеховский дар».

И все же широкому читателю Гаврилов практически не известен. Тиражи его книг, выходящих в России, в отличие от того же Запада – книги Гаврилова переводились и издавались в Германии, Италии, Финляндии, отдельные рассказы в Англии, США, Испании – ничтожны, и потому сразу становятся библиографической редкостью.

О самом писателе написано, пожалуй, больше, чем написал он сам. Новыми произведениями Гаврилов балует редко. Последняя его книга называется «Весь Гаврилов». Весь Гаврилов уместился в тонкую, малого формата книжку.

Доставщик слов – обозначает себя Гаврилов. Так же называется документальный фильм, снятый режиссером Б. Караджаевым в 2002 году, где писателю отведена главная роль. Последняя профессия Гаврилова – доставщик телеграмм. Значит и по основной своей работе он все тот же доставщик слов. Хотя основной работой для писателя, кем бы он ни работал, всегда является литература.

Проза Гаврилова, своей лаконичностью, сходна с телеграммами, которые приходилось ему разносить. У Гаврилова, по выражению Немзера, «фраза хочет стать абзацем. Абзац – новеллой». Фразы его текстов легко обращаются в цитаты.

Что же это за имя в литературе – Гаврилов, грозящее стать явлением? После просмотра фильма «Волчек», один мой знакомый воскликнул: «Да это же гавриловщина!».

Атмосфера произведений Гаврилова – кафкианская, герои – платоновские, только без мыслей в «мировых масштабах». Первый, из писателей кто приходит на ум, при прочтении гавриловской прозы, несомненно, Леонид Добычин, по мнению Виктора Ерофеева – самый недооцененный писатель нашего времени. Ощущения от гавриловской прозы – Ужас. Ужас от ничего не происходящего, от обыденности.

Писателей часто сравнивают с художниками, если применить такое сравнение к Гаврилову, то он скорее график. Внешне его герои только обведены контуром, описания внешности, как правило, отсутствуют. Автор это делает сознательно. Его герои самые обычные и заурядные люди, каких вокруг большинство, они могут быть любыми, читатель может на них «примерить» любой облик. Надо только оглядеться вокруг, и вот они – соседи по дому и коллеги на работе, попутчики и просто прохожие. После знакомства с героями Гаврилова, понятней становятся поступки окружающих.

Несмотря на абсурдность и гротескность произведений, Гаврилов в плане быта и окружающей атмосферы реалистичен до мелочей. Его мастерство поражает. Глаз художника выхватывает из общей картины, именно ту деталь, незначительную на первый взгляд, кото-

рая красноречиво дает верное направление читателю домыслить действительность. Созерцательность, присущая традиционной японской культуре, отличает прозу Гаврилова.

«Изысканные слоисто-агатые ностальгические миниатюры Анатолия Гаврилова» (Анкудинов) необычайно ритмичны. Андрей Немзер утверждает, что «настоящие стихи, настоящую прозу... не знают персонажи Гаврилова – он знает». Ему вторит Александр Касымов, говоря о «Берлинской флейте» он восклицает: «Что это? Проза? Поэзия? Музыка?»

Гаврилов певец провинции. Но мелодия его песни звучит в миноре. Так как провинция существует везде, то его произведения нашли, несмотря на вроде бы наши пресловутые национальные особенности, отклик и в европейских странах, на первый взгляд таких далеких нашему менталитету. Противопоставление центр-провинция объединяет народы, независимо от уровня их экономического развития.

Каждый новый, незнакомый человек здесь встречается насторожено. Это бывает только в забытых богом и законом местах, где человек надежду на помощь со стороны давно потерял.

«Вагоновожатая с опаской посматривала на одинокого пассажира. У нее под рукой был ломик» (Теперь я знаю, что сказать). «Незнакомец молчал, мутно смотрел в огород. – Что нужно? – спросил Николай Иванович и поднял с земли молоток» (Курица).

Не прошло мимо взора художника и отечественная любовь провинциалов к садоводству. Странная, с элементами мазохизма, любовь к земельным наделам, на которых даже малый урожай уже само по себе чудо, присуща именно провинции.

«В прошлом году я посадил пять ведер картошки, а собрал три. Она сгнила. Пролетая над Альпами, я подумал о ней. Нужно дренажировать почву» (В Италии). «Земля лопаётся, огород горит. Поливка огорода утром, вечером, ночью». «Огурцы кончаются, но зреют помидоры. Земля лопается. Вода бесследно исчезает в трещине». «Огород поник. В бочке с протухшей водой медленно надуваются и лопаются зеленые пузыри» (в преддверие новой жизни).

Безысходность бытия в провинции, Гаврилов протягивает дальше земной жизни. «Сведут на кладбище, где завод и свинарник, – и все, конец. А все друзья, жена, родственники – на старом кладбище, где благородство вековой зелени, мрамора, тишины... Не успел на старое, опоздал... Ни особых заслуг, ни блага... Придется тащиться на новое... Дым завода и рев голодных свиней... И этот Иисус, если он существует, вряд ли туда придет... не захочет тащиться...» (Что делать?).

Закрывая последнюю страницу, по гавриловски восклицаешь: «И это все? „И это все“, – глухо отзывается эхо пустого стакана» (Наступила весна).

Дмитрий Лисин. «Это Мама». (ред. – о романе Александра Иличевского «Математик»)

Последний роман Александра Иличевского «Математик» (*ред. – рецензия опубликована 30 июля 2011 года*) читается на одном дыхании только теми читателями, которые уже прочитали что – нибудь из предыдущих вещей писателя – лауреата. То есть тексты Иличевского обладают формирующей силой, они нравятся тем читателям, которые прошли школу романов «Перс», «Матисс», «Дом в Мещере», «Ай Петри» и при этом смогли удержаться на океанической волне его мысли, преодолели клаузуру, коллаж, мозаику и разломы по водоразделу внутренней идеи текста – ландшафта. Да что там говорить, любой рассказ из сборника «Пение известняка» способен подготовить начинающего читателя к перегрузкам крупной романной формы, потому что стиль писателя трудоёмок для восприятия даже на плоскости одной страницы. Здесь ключевое слово – стиль, ибо воспринять стиль на одной странице может только достаточно квалифицированный читатель. Можно сказать, что Иличевского читают те, кто музыку слушает дисками, а не треками. Вот до чего договорились – нет равенства, не токмо между писателями, но и между читателями. В чём же особенность Иличевского, его отличие, во – первых, от хороших писателей, небогатых стилем и идеями, и во-вторых, от хороших писателей, богатых идеями и стилем? Но, увы, это выходит за рамки нашего сообщения, а главное – эта тема неподъёмна, в смысле сизифова камня. Слов мало, а отличий одного писателя от другого бесконечно много, притом они все невыразимы, эти отличия. Каждое из подручных слов, всякие определения «уныло», «блестяще», «неизгладимо» всё равно ничего не значат, так как применимы вообще к любому писателю, а значит, выглядят неубедительно. Придётся перейти к конкретике текста, имея в виду, что «Математик», хотя и попроще написан, чем всё предыдущее, всё ж таки написан для людей с не픽сельным сознанием, по определению Алексея Иванова. «Математика» написал человек, учившийся в элитной колмогоровской физмат-школе, в интернате для чистых, ничем не разбавленных вундеркиндов, потом закончивший Физтех и десять лет кряду занимавшийся теоретической физикой в Израиле и Калифорнии – ровно до тех пор, пока не женился и не стал писателем в Москве.

Идея романа берёт свой исток в тайне рода, как почти все хорошие романы. Как-то Иличевский узнал, что его прадед, покинув жену и дочь, прибыл в порт Сан-Франциско на судне *Seyo Maru* и растворился в просторах США. В свою очередь, Сан-Франциско становится домом, чистилищем, площадкой экспериментов для героя романа. Сначала ведь надо выдернуть себя из алкоголизма, на пределе воли. Надо научиться у старого китайца «премудрости, охраняющей силу духа и ума». Потом, на пределе мысли, воскресить всех, без исключения, прадедов! – вот лозунг основателя новой науки. Назовём её топологией воскрешающих пространств инвариантной наследственности души, искусством восстановления ДНК предков. Но что такое математик – тополог Максим без города, без ландшафта золотого Запада, без самого красивого в мире моста, без обрётённого друга Барни, – бывшего наркомана, смышлёного неврастеника, помешанного на казачестве, масонах и кино, на гипнозе, фокусах и НЛП, с шальными от таланта глазами. Повторяется история «Перса», где геолог Илья не может обойтись без дружбы невероятного Хашема, считающего себя реинкарнацией Хлебникова. Они там ищут, ни много ни мало, разгадку тайны происхождения жизни. Всегда есть этот пейзаж, этот город и этот друг – вот основа топологии, структуры любого романа Иличевского. Можно назвать писателя идеалистом. Не только потому, что стиль его идеально сложен, скроен для любителей непонятного, а герои слишком идеальны и сложны. На каждой странице есть идеи, но нет абстрактной вымороченности, есть упругий

сюжет, но нет никакой линейности, есть предельная цветистость метафорики, но нет ничего лишнего. Этот роман похож на диск «Это мама» с нежной, но предельно суровой лирикой группы «Аукцыон».

В результате примиряешься с излишним, совсем нереалистичным богатством личностей героев, их невиданным потенциалом. А какой хороший писатель не стремиться описать уберменша, сверхчеловека, председателя земного шара? К тому же Иличевский пытается наблюдать мыслью наравне с глазами, видеть саму мысль так, как виден вон – тот камень. Чем мы видим мысль? Самой высокой и прозрачной мыслью. В каждом тексте есть вершина, идеал, – вплоть до попытки понять устройство Вселенной.

В «Математике» есть вставной сценарий фильма, написанный забывшим математику героем, про легендарных альпинистов братьев Абалаковых. Это чтение внутри чтения создаёт особую оптику понимания через контрастное сравнение судьбы, характеров разных поколений покорителей вершин. В «Персе» перевоплотилось время Хлебникова, теперь Максим и Барни, тандем «Математика», повторяют восхождение братьев Абалаковых на неприступный Хан – Тенгри в Тянь – Шане. К покорению чего на самом деле стремятся герои повествования и где сходятся водоразделы мысли?

Итак, Максим Покровский, гениальный математик тридцати шести лет, прибывает в Пекин на чествование самого себя, лауреата главной математической премии Филдса. Как тут не вспомнить Перельмана. Но герой Иличевского вовсе не отказывается от премии и денег, он отказывается от всего остального, от науки, жены, дочери, мира, самого себя. Так на него подействовало видение огромного скорбящего женского лика, увиденного на склоне тибетской горы, при перелёте к Пекину. К тому же он пьёт, он запойный бомж – забулдыга, так что на самом деле его лишает дома и последних математических мыслей древнегреческая красавица, полнобёдрая широкоглазая грация – жена, у которой «случайно вынутая из геномной библиотеки последовательность кода отмотала в фенотипе назад три тысячелетия». Здесь и завязка романа, ведь герой начинает свою битву за счастье человеческого рода именно с обдумывания путей и судьбы этого самого генетического кода, повелителя фенотипа и самой смерти. После отклеивания от привычно непрерывной математической работы мысли, после грандиозного запоя и потери семьи, Максим вдруг обнаружил в себе новый всепоглощающий интерес – воскресить всех умерших людей.

Конечно, как суперматематик, он думал об этой жгучей проблеме совсем не так, как его предшественник в разработке этой идеи, реальный Николай Фёдоров, пламенный философ воскресения как общего дела. «Как ни глубоки причины смертности, – говорит Федоров, – смертность не изначальна, она не представляет безусловной необходимости: слепая сила, в зависимости от которой находится разумное существо, сама может быть управляема разумом». Но как? Федоров, прежде всего, защищает саму идею «имманентного воскрешения»: после искупительного подвига Спасителя этот путь не только открыт перед нами, но он есть наш долг – «заповедь нам, Божественное веление». Федоров ставит даже вопрос: «как понять, что за воскресением Христа не последовало воскресение всех?» и видит причину этого в том, что христиане склонились к чисто трансцендентному пониманию воскресения, то есть без активного соучастия людей.

Иличевский же, через своего героя доносит нам своё видение проблемы воскрешения, без всякого сомнения, являющейся главным и вечно – модным трендом мировой науки, в которой нынче, по мнению автора, возможно ставить такие задачи. Но, в отличие Фёдорова, герой романа обходится без привычного Христа Спасителя, уповая на будущую науку, имеющую дело с великой таинственной ДНК, которую автор вместе со своим героем, вместе со всеми академиями наук, склонен обожествлять, – и науку и ДНК. Однако герой пытается помыслить и такие предельные понятия, какие нынешние богословы оставили средне-

вековой экзегезе. Как же можно омолодиться, тем паче воскресить предков без понимания, что «математика, принадлежа вершинам Неживого, являлась ближайшим атрибутом Бога, а усилия в математическом преобладании были способом, с помощью которого Живое обращалось к Неживому». Герой романа, как и сам Иличевский, как и весь мир «находятся на пороге кардинального изменения научной парадигмы, в строение которой теперь будут включены структуры, обусловленные устройством человеческого мозга», Максим «находился в состоянии удивления и предвосхищения нового, невиданного способа мыслить». Чтобы помыслить об устройстве Вселенной, следует узнать о природе собственного мышления, поэтому математика есть теология. «Математические объекты – не абстракция, не симуляция, а самые что ни на есть живые сущности, служебные ангелы мышления». Здесь Иличевский вполне солидарен с нашими лучшими философами – с Флоренским, Лосевым, Мамардашвили, Бибихиным, Пятигорским.

И здесь, как и в романе «Перс», и в каждом рассказе, вступает наиважнейшее для Иличевского и всех его героев. Наиважнейшее – это сны и ландшафт. Математик на пути немощей тела и соблазнов мысли, на пути разочарования во всём, на пути спуска в ад забывания матери, на пути восхождения на гору Хан – Тенгри, взбирается к поразительному открытию. Это невозможное, невыносимое, но самое простое открытие в жизни любого человека. Невиданный способ мысли снился Максиму в виде гористого ландшафта, где склоны, лощины, плато, лесистые долины и ущелья, – образовывали идеи, напряжения мыслительных полей. Но в момент восхождения все водоразделы мысли, чувства, невыносимые воспоминания сошлись на образе горы – матери. Вне протяжения жило Лицо.

Оказывается, сложнее всего на свете герою – космополиту, жильцу вершин было приехать в Долгопрудный, к матери – алкоголичке, чтобы дверь она открыла трезвая, с ясным старческим лицом, не сразу узнав сына – и испугалась, и заплакала. Приехать, чтобы утром, открыв глаза, потянуться к матери, стать меньше ростом и поместиться на её коленях.

Татьяна Лестева. «Постмодернизм: сатира, фантастика и положительный герой»

Виктора Пелевина знают все в кругах литературной и околосредовой интеллигенции, но знают преимущественно понаслышке. В лучшем случае кто-то что-то когда-то прочитал или услышал, а в основном.... На творческом вечере Бориса Орлова, когда я пригласила всех на презентацию журнала «Аврора», с гордостью сообщив, что там будет опубликовано его эссе «Имена олигархов на карте родины» один из присутствующих добродетельно скучных поэтов из технарей Олег Юрков, решив блеснуть эрудицией, спросил: «А мат там есть?». И получив отрицательный ответ, громко объявил, что «тогда и читать незачем». Вот одна из распространённых точек зрения – певец ненормативной лексики. Андрей Константинов, председатель Союза журналиста, создатель Агентства журналистских расследований и писатель, на встрече с читателями в «Книжной лавке писателей» на мой вопрос о Пелевине и Акуnine, основных современных авторах, переведённых на многие иностранные языки, вспомнил «Чапаева и пустоту» и весьма дипломатично ушёл от ответа на вопрос о соотношении этих писателей, доступных зарубежному читателю. Он сказал, что романы Пелевина его не устраивают «отсутствием положительного героя».

Вот ещё один взгляд: воспитанный на классической литературе XIX – XX веков читатель жаждет видеть положительного героя, а не только «чернуху». Что же касается творческой молодёжи, обивающей пороги различных писательских союзов и многочисленных ЛИТО, то они просто никого, кроме участников своей тусовки, не читают, следуя борода-тому анекдоту, что «чукча не читатель, чукча – писатель!». Нет, конечно, есть фанаты Пелевина, его новые книги я видела на полках даже районных библиотек в Псковской, Липецкой, Воронежской областях, не говоря уже о центральных городских библиотеках и книжных магазинах. Приведённые примеры – это взгляд читателя или писателей, далёких от современных вершин литературы. Но и те, кто номинируются зачастую вместе с ним на различные престижные премии, отнюдь не единодушны в оценке его творчества. Вот, например, точка зрения Германа Садулаева, так сказать коллеги – конкурента:

«Пелевин талантлив, даже гениален. Он мастер, лучший из мастеров; как правильно заметил в отношении его прозы Виктор Топоров, настоящее мастерство – когда мастерства не видно. (курсив мой – Т.Л.) Возможно, Пелевин действительно самый лучший из русских беллетристов. Давайте и определим его на эту полку.

Потому что наш самый влиятельный интеллигент – не учитель и не мудрец.

Он шут. (...)

Шут нужен и при дворе, и в обществе. Но если шут становится в государстве самым влиятельным интеллигентом – значит, в государстве и в обществе беда. Понятие интеллигентного водительства извращено. (...)

Пелевин – не «попса». Попса не претендует на метафизические основы, она остаётся целиком в вульгарности. Именно поэтому вся попса снизу-вверх с глубоким уважением смотрит на Виктора Олеговича – он может такое, что им не доступно. Он их «гуру». (Если шут может быть учителем, то только учителем шутов и шутовства).

Я знаю, что рассуждать о коллеге-писателе, тем более критиковать его, а ещё, если он в отличие от тебя успешен и признан, – моветон. Каждый волен подумать и произнести известную формулу а-ля Ксения Собчак: тот, кто не любит Пелевина – просто ему завидует. (курсив мой- Т.Л.)». (Герман Садулаев «Флейта для крысолова».) Я сознательно оборвала цитату из «Флейты...» на точке зрения Ксении Собчак: многовековая история лисы и зелёного винограда сохраняет актуальность и в XXI веке.

Что же касается профессиональной критики, преимущественно петербургской (не будем вспоминать А. Немзера всуе), то она, в отличие от воззрений читательско-писательской массы, скорее единодушна от процитированного Г. Садулаевым Виктора Топорова до Геннадия Мурикова:

«Пелевин принадлежит к числу тех писателей, которые ясно и отчётливо сказали «нет» не только идеологическим установкам советского времени, но и внедряемой сегодня псевдоидеологии потребительского общества, которая должна быть прикрыта «новоязом» якобы обновлённого православия. (...)

Многочисленные авторы «ЛГ» и многих других периодических изданий буквально захлёбываются от ярости, когда находят у Пелевина не только грубоватые слова и выражения, но и прямое брезгливое отрицание реальности наших дней. На самом деле он и действительно отрицает эту реальность, и одновременно создаёт новый идеальный, а в чём-то и по-старомодному романтический мир (это началось ещё с романа «Чапаев и пустота»). Автор предлагает нам некие многозначные ориентиры, вызывающие поле или, лучше сказать, объём ассоциаций. Эти ассоциации зависят от уровня воображения и интеллекта читателя и интерпретатора, от его владения тем «языком», на который намекает Пелевин. Но это не новояз». (Г. Муриков. «Параллельные миры. XXI век», ЛУ, №1, 2011).

Резюмируя краткую выборку мнений по оценке Виктора Пелевина – «лучшего мастера прозы» и гениального «шута», которому «все завидуют», – обращаю внимание на то, что в романах должен быть положительный герой, и на «брезгливое отрицание реальности наших дней».

Итак, положительный герой. На первый взгляд кажется, что в произведениях Пелевина не только нет «положительного героя», но его там не может быть по определению. Уж больно несовместимы фантастические герои и героини автора с Артуром Э-Л. Войнич или Павкой Корчагиным Николая Островского. Но если задуматься, всмотреться поглубже...

Вспомним повесть «Затворник и шестипалый», действие которой происходит на птицефабрике, аллегорически изображающей современное общество. Здесь даже два положительных героя: Затворник – учитель и Шестипалый – ученик. В условиях неизбежной гибели всех обитателей на конвейерной ленте с последующим бесславным концом в кипящей кастрюле, на сковородке или замораживанием в пакете, Затворник не только постоянно тренирует свои руки, не будучи даже уверенным в том, что они ему пригодятся, но и передаёт свои знания ученику. Его кредо: «Нет, – ответил Затворник, – вниз – это не наш путь. (...)». И далее: «...если ты оказался в темноте и видишь хотя бы самый слабый луч света, ты должен идти к нему, вместо того чтобы рассуждать, имеет смысл – это делать или нет. Может, это действительно не имеет смысла».

Но просто сидеть в темноте не имеет смысла в любом случае».

Ассоциации не заставляют себя ждать: Уж не ленинское ли это «учиться, учиться, учиться»? Затворник передаёт свои знания и другим бройлерам (теперешним ожиревшим мещанам), призывая их поститься, так как тощий цыплёнок проживёт несколько циклов, и попадёт под нож в последнюю очередь. У них находятся последователи, некоторые отказываются от еды и питья. Но в обществе потребления... И Пелевин даёт уничтожающе сатирическую картину этого общества:

«Всегда поражался, – тихо сказал Шестипалому Затворник, – как здесь все мудро устроено. Те, кто стоит ближе к кормушке-поилке, счастливы в основном потому, что все время помнят о желающих попасть на их место. А те, кто всю жизнь ждет, когда между стоящими впереди появится щелочка, счастливы потому, что им есть на что надеяться в жизни. Это ведь и есть гармония и единство».

Вот он социальной срез современной России. Да и единство здесь упомянуто отнюдь не случайно, ассоциации весьма наглядны. А надежда на щёлочку... Почему-то вспоминаются лонг- и шорт —листы различных премий...

Не обходит вниманием автор, непревзойдённый сатирик нашего времени, и проблемы богоискательства и богостроительства, рисуя их выпукло, ярко сатирически:

«Выяснилось, что все уже давно ждали прихода мессии, потому что приближающийся решительный этап, называвшийся здесь Страшным Супом, из чего было ясно, что у здешних обитателей бывали серьезные прозрения, уже давно волновал народные умы, а духовные авторитеты настолько разъелись и обленились, что на все обращенные к ним вопросы отвечали коротким кивком в направлении неба».

Каждое слово, каждая фраза бьёт в цель. Тут и апокалиптические прозрения, и появление «мессий» всякого рода, и грядущий Страшный Суп (Для кого? Для олигархических правителей? Для русского народа он, похоже, уже наступил), и обленившиеся и разъевшиеся духовные «авторитеты». Разъяснения излишни, уж слишком очевидны аналогии.

Но вернёмся к героям повествования. В страшной борьбе, в преддверии «страшного супа» они побеждают:

«Шестипалый давно привык находиться в руках у богов (т.е. обслуживающего персонала птицефабрики.— Т.Л.). (...) ... а потом откуда-то снизу долетел сумасшедший крик Затворника:

– Шестипалый! Беги! Ключь его прямо в морду! Первый раз за все время их знакомства в голосе Затворника звучало отчаяние. И Шестипалый испугался, до такой степени испугался, что все его действия приобрели сомнамбулическую безошибочность, – он из всех сил клюнул вытупленный на него глаз и сразу стал с невероятной скоростью бить по потной морде бога руками с обеих сторон.

Раздался рев такой силы, что Шестипалый воспринял его не как звук, а как давление на всю поверхность своего тела. Ладони бога разжались, а в следующий момент Шестипалый заметил, что находится под потолком и, ни на что не опираясь, висит в воздухе.

Обучение и тренировки не прошли даром – бройлеры взлетели и во время неравной борьбы обрели свободу. Оптимистичный финал повествования – богов можно победить! А для достижения победы и обретения свободы Виктор Пелевин приводит подробный план борьбы: стремление к свету, обучение, хождение в народ – с пропагандой своих идей, масовый протест и восстание. Где-то мы это всё проходили, не так давно. Не правда ли?

Так что с положительными героями, полагаю, у автора всё обстоит весьма благополучно. А лисичка А Хули («Священная книга оборотня», «Эксмо», М.: 2010), бессмертный оборотень – проститутка, подходит ли она под определение положительного героя, точнее героини. Да, конечно же. Она стремится познать истину, найти путь к самосовершенствованию; найдя его, вступая на этот путь, во-первых, стремится поделиться приобретенным знанием, донести его до сознания своих сестричек – лисичек. И снова забота о своём сообществе, и снова обучение.

Да и граф Т («t», «Эксмо», М., 2009), через фантастически опасные приключения идущий к истине, обретающий, наконец, познание изнанки литературной индустрии рыночного времени, вступающий на путь непримиримой борьбы с ней, – это не только положительный герой, вопреки всему, – это герой нашего времени. Победитель, отстаивший право быть Творцом.

По-видимому, тоска по положительному герою периода классической литературы и соцреализма всё-таки стоит на повестке дня. Нет-нет, в средствах массовой информа-

ции, в частности в «Литературной России», появляются статьи (В. Шемшученко, З. Бобкова и др.), обвиняющие современных писателей в отсутствии оптимизма, в унылом видении современной жизни России, считающих, что писатели, вскрывающие язвы пост- и перестроечного периода, так сказать пишущие «чернуху», являются аж «похоронщиками России». Не больше и не меньше! Но в этом изобилии уныния, безверия (не в смысле поклонения православному кресту, а в смысле неверия в светлое капиталистическое будущее страны), гибнущей, спивающейся русской нации современных реалистов, почвенников и «новых реалистов» именно фантастическая сатира Пелевина даёт надежду на возрождение. И обещает это возрождение сочетание в его произведениях глубокого понимания того, что происходит в обществе с указанием пути, по которому нужно идти. Странно, что этой второй ипостаси – учителя — не увидел Г. Садулаев, отметивший правду шута как правду «для внутреннего пользования». Отнюдь нет, для широких народных масс эта правда. Вот если бы они (массы) ещё бы и читали побольше и повнимательнее!

Фантастикой самого разного рода сейчас переполнены книжные прилавки. Но что это за фантастика, насколько она социальна, чему она учит молодое поколение – основного «пожирателя» фантастической и детективной литературы? Возьмём к примеру дебютный роман Тима Скоренко «RIGGERTALE Ода абсолютной жестокости» (ЗАО Изд. «Факультет», М., 2010 г.). Действие романа происходит в неизвестном мире, где люди (если персонажей можно назвать людьми) бессмертны. Вернее, они смертны до утра следующего дня после убийства. Утром они оживают, возрождаясь к той же самой жизни. И на всех страницах книги царит одно и то же – убийство, жестокость, предательство и подлость. Ни одного человеческого проявления – ни чести, ни совести, ни любви. Есть понятие «моя женщина», среди женщин- героинь есть даже некоторые родственные чувства, но и только. Всё остальное – это бессмысленная, ничем не оправданная жестокость. Главный герой первых частей романа – Риггер – теряет бессмертие, выживает в этом мире благодаря чудовищной жестокости, подлостью возвращает себе бессмертие, предаёт и своего хозяина, и своих соратников, с которыми жестоко расправляется, обрекая их на вечные страдания, обретает абсолютную власть на половине вселенной. А его цель – стать полновластным властителем всей вселенной. В этом романе, если это произведение композиционно можно назвать романом, поскольку действие заканчивается с концом второй части повествования, а в последующем «Послечастии» появляются, неизвестно откуда, новые персонажи, совершенно чуждые предыдущим, нет положительного героя. Главное в романе – культ абсолютной, бессмысленной жестокости, воспевание её. Роман так и назван: «Ода абсолютной жестокости». И вполне уместен вопрос, на какого же читателя рассчитано это произведение? На юного читателя общества потребления с идеологией эгоцентризма и вседозволенности, на бандитские группировки, как образец для подражания, на уголовный криминалитет? А ведь книга выпущена большим для нашего времени тиражом – 5000 экземпляров – и уже красуется на библиотечных полках.

Даже в век вседозволенности и бесцензурной свободы следовало бы сопроводить её информацией типа: «Опасно! Яд!». Но ведь это творчество дебютанта-фантаста, мало ли, какие фантазии придут в голову молодому автору: чем больше «эпатажу», тем больше тиражи.

Вот и ещё одно «знаковое» лицо современной литературы – Дмитрий Быков. Его наделавший много шума роман «ЖД» (Изд. «Прозаик», 2010 г.), называемой автором «поэмой» с расшифровкой аббревиатуры от «железной дороги» до «жидов» и «живых душ», написан в жанре «исторической фантастики». В предисловии Быков на всякий случай извиняется перед читателем. «Автор приносит свои извинения всем, чьи национальные чувства он задел. Автор не хотел возбуждать национальную рознь, а также оскорблять кого-либо в грубой или извращенной форме, как, впрочем, и в любой другой форме. (...) Но это, конечно, никого не колыхнет. Определенной категории читателей это неинтересно. Автор приносит

свои извинения всем, чью межнациональную рознь он разжег. (...) У меня нет определенной, обязательной для читателя расшифровки аббревиатуры «ЖД». (...) Для себя я предпочитаю расшифровку «Живые души»».

Извиняться есть за что: это «самая неpolitкорректная книга нового тысячелетия». Тут уж с автором не поспоришь. Фантазии его далеко выходят за пределы даже допустимого в фантастике, а уж идеи и прогнозы! Автор не боится (а чего бы ему и бояться при таком изложении прошлого и будущего) обратиться к еврейскому вопросу, исходя из концепции, что весь юг России, от Крыма до Ставрополя и Краснодарского — это историческая родина евреев (хазаров), а отнюдь не какой-то Израиль, подаренный им в пустыне Сталиным. При этом вводится понятие не коренного населения, а «титულიной нации», то есть: «Под коренным населением, — сразу уточнил Эверштейн, опять снимая возражение с языка собеседника, — я никоим образом не имею в виду тех, кто поселился на территории раньше всех. Уговоримся сразу, что под коренным населением мы понимаем титульную нацию, или тех, кто считает эту землю своей (выделено мной — Т.Л.)». Вряд ли следует объяснять концепцию автора по национальному вопросу, она вложена в уста Эверштейна. Коренное же население России названо им «васьками» (обратите внимание с маленькой буквой в отличие от Митьков, наверное). «Их племя, не знавшее письменности и не желавшее ничего записывать («потому что все и так есть и всегда будет — зачем же сохранять?»), жило в этих краях с незапамятных времен (...) — все было их собственностью, их заговариваемой и свободно родящей землей, на которой стояли печки-самопеки, яблони, клонящие ветки долу под тяжестью даровых плодов, и вся земля была сплошной скатертью-самобранкой, не требовавшей ухода: бери не хочу. Она кормила их вольно и щедро, без принуждения, как мать кормит сына, как корова поит телка, — и длился этот золотой век, пока не набрели на них степняки (ЖД — Т.Л.), не знавшие никаких ремесел, но умевшие столь хитро и изобретательно торговать плодами чужого труда, что вскоре все оказались их должниками». И далее следует утверждение, что «... русский народ не любит хазар», и «что вражда эта уходит корнями в столь глубокую древность». Васьки живут за кольцевой линией или в «васятниках», то есть приютах, откуда их можно брать в семьи.

Одна из героинь этой «поэмы» пятиклассница Анька просит родителей, чтобы ей взяли ваську, который «...ей нужен никак не для развлечения, а просто ему же так будет лучше — вид нескольких бездомных васек ежедневно надрывал ей сердце по дороге из дома в школу, она даже присмотрела одного, сравнительно здорового, усатого (благотворительность ее не простиралась так далеко, чтобы брать больного; для них, в конце концов, есть специальные приюты). (...) Можно из васятника, как у нее в классе называли приюты. Там выдавали уже отмытых, здоровых, вполне пристойного вида, некоторых даже с профессией (обучали в приюте, были специальные классы — им рассказывали об этом в школе, на уроке москвоведения, когда речь зашла о гуманности мэра)».

Но даже в этой неpolitкорректной «поэме» находится положительный герой. Это Анька, убегающая из дома во имя спасения своего васьки, которого она ведет в Жадруново, обетованную землю, так сказать рай васек. Прочитав семьсот с лишним страниц «исторических» фантазий» Д. Быкова, в которых он обращается даже к авторитету Льва Гумилева для пущей убедительности «историчности» его концепции, мне не захотелось принимать извинений автора, а тем паче его взгляд как на историю русского народа, так и на пророчества о будущем России. Даже положительный герой, вернее героиня, в поэме не меняет дело. Надо бы тоже сопроводить этот роман знаком опасности: «Обращаться с осторожностью!».

А как обстоит дело у признанных «мэтров», стоящих на реалистических и даже неореалистических (!) позициях с положительным героем?

У меня в руках «Грех» Захара Прилепина, лауреата Нацбеста 2008 и Русского Букера, только что получившего премию Юбилейный Нацбест 2011 г... На обложке книги информа-

ция о жанре книги «Роман в рассказах». Для объективности следовало бы добавить и в стихах, поскольку стихов 24, а рассказов всего восемь, причём рассказ «Сержант» – последний рассказ в сборнике, после стихов, к содержанию «романа» отношения не имеет. Этот так сказать эпилог – воспоминание, почти единственный по-настоящему сильный рассказ автора о событиях в Чечне, даже написан от третьего лица, в то время как герой остальных рассказов – это «Я», которого Дмитрий Быков во вступительной статье отождествляет с самим Захаром Прилепиным. Грех было бы не взглянуть на «Грех» Захара Прилепина с точки зрения положительного героя в современной России. Пьяница в рассказе «Колёса», который пил «... уже четвёртый месяц и делал это ежедневно», циничный могильщик с такими же друзьями, у которых норма была по три пол-литра на человека. В этой книге «Есть бесценные витамины (...), – написал Д. Быков в предисловии, – энергия, храбрость, радость и нежность». Ну, что касается витаминов, то вряд ли с этим можно согласиться. Уж не витаминизирует ли читателя вышибала из рассказа «Шесть сигарет и так далее». Кто же здесь положительный герой: он сам, его напарник, стриптизёрша, братва, вся эта бездуховная постперестроечная тусовка? Нет, не они. А вот жестокость – это настоящая героиня рассказа! Что же касается нежности, то, конечно, любовь героя к маленьким сыновьям (рассказ «Ничего не будет»), – это человеческое чувство. Но рассказ слащав, это просто какое-то смакование слащавости: мы с любимой, моя любимая, моя веточка, и «стареющий герой» (ему нет и тридцати) смеётся очень часто и ещё чаще улыбается «посередь улицы». Плохо верится «неореалисту», вероятно, это просто выполнение социального заказа: светлые моменты жизни на сцену! Хватит похоронных настроений! А если вспомнить, что не так давно был «год семьи», то всё становится на свои места. В год семьи и пьяница с вышибалой в одном лице вдруг становятся идеалами сентиментальности. Прямо пастораль какая-то!

Извращены и дружеские чувства (рассказ «Карлсон»), не говоря уже о втором типе «героя нашего времени» – «трогательном» болезненно толстом человеке с «незажившими детски угрями на лице». Пару слов о стихах, то есть о том же, но иными словами (этот раздел так и назван в «романе» «Иными словами»). В них автор забывает о своей ипостаси реалиста с приставкой нео- и следует всем канонам постмодернизма. Даже верстальщик, то ли ища оригинальности, то ли с целью увеличить объём книги, не жалея вырубаемых лесов, располагает стихи в нижней трети страницы так, чтобы даже короткие стихи переходили на следующую страницу. Не обсуждая их в деталях, отмечу всё же, что и в них, как и в прозе: и тоже самое «Я» («...я не встал и остался лежать уже леденя/ и корявого меня втащили в кузов...» или „Как ногти вырастают после смерти/, вот также чувство мое к вам, со всею подноготной грязью,/ по истечении срока жизни, движенья своего не остановит.) до банально слащавых соблазнительных ножек, привидившихся во сне труп: «...ты/ в одиночестве танцующая вальс/ на холме/ твои ножки так соблазнительны// самый светлый сон мне приснился...» (сохранена пунктуация автора – Т.Л.).

Не обсуждая детали постмодернистских развлечений автора над поэзией, просто процитирую фрагмент из сатирического стихотворения Андрея Мартынова (Стихи ру) «Хочешь прослыть современным поэтом?»:

(...) Жизнь ведь уныла, однообразна,
скучна, как тарелка вчерашних щей,
ну так раскрась её стружкой маразма,

из головы твоей вытекающей. (...)

То ли дело такие строчья:
«В небе, будто бы... в тумане,
как туалетной бумаги клочья,
ветер трусы облаков дербанит.»

В общем, добавь эпатажа и мата,
это пока ещё не приелось,
ведь среди этой парочки прятать
удобно авторской мысли серость.

Ну а завистливых тварей не слушай,
критика – это злобный лай,
пару бананов засунь себе в уши
и поливай, поливай, поливай!

Если не веришь – давай замажем,
жизнь твоя будет, как мёд сладка,
может быть, станешь когда-нибудь даже
ты победителем на БЛК!

Возможно, что награда на Большом Литературном Конкурсе у поэта Захара Прилепина ещё впереди. «Грех» ему уже отпущен за сборник рассказов прегрешений во всех ипостасях: и в смачном описании «чернухи», и в ненормативной лексике, и в издёвке над русским языком под флагом новояза («Ты что такой похнюпый?» – курсив мой. – Т.Л.) и в слащавой сентиментальности.

Что же касается произведений Виктора Пелевина, то они написаны эзоповским языком, остро социальны, это острейшая сатира на все области жизни человека. Но сатира, в которой пусть не напрямую, но всегда намечен путь к свету, даже если это только луч света. Автор освещает в них общечеловеческие проблемы, свойственные не только России, но и миру в целом.

Виктор Пелевин – непревзойдённый сатирик конца XX – начала XXI века. Ему нет равных как среди отечественных современников, так и, полагаю, среди классиков, за исключением, естественно, его предшественника Михаила Булгакова с «Собачьим сердцем», «Роковыми яйцами», и др. Но и здесь не вряд ли стоит делить призовые места, следует, с моей точки зрения, остановиться на гегелевской спирали. В Пелевине поражает знание не только современной жизни страны во всех её проявлениях, но и глубокий и широкий охват проблем всего мира. Причем в любом его произведении, будь то небольшое эссе, рассказ, повесть или роман, читатель не только узрит сатиру, но, подумав, найдет и предлагаемый автором выход.

«Имена олигархов на карте родины». Наверное, комментировать отношение народных масс к понятию олигарх не следует, – оно очевидно. Проникнувшись сочувствием к этим несчастным людям, автор сначала на исторических примерах Древней Греции и Коринфа запугивает читателя «клятвой» олигарха: «Обещаю быть врагом народа и вредить ему, сколько хватит моих сил». А далее, как всегда у Пелевина, он предлагает оригинальный выход: прекратить травлю олигархов в СМИ, а наоборот внушать народу лозунг: «Народ и олигархия едины». И в детально разработанной Пелевиным «имидж-кампании» по единению олигархов и народа предлагается использовать «...названия населённых пунктов, омонимически совпадающие с фамилиями олигархов. (...) ГУСИНСКИЙ: Гусев. Гусиноозёрск, Гусь-Хрустальный, Гусятин, Гусь-Железный, Гусевский п-ов Гусиная Земля, Гусино». Все эти населённые пункты украшаются бюстами олигархов, там создаются музеи олигархов-

побратимов и т. д. Одним росчерком пера автор решает проблему и создания среднего класса в России: «...известно, что олигархи, скучающие от праздности, склонны создавать гаремы, а их потомство чрезвычайно многочисленно и порой исчисляется многими сотнями. При этом в процессе наследования происходит естественное дробление собственности. Если на протяжении двух или трёх поколений подобная скорость размножения олигархов будет предписана юридическим императивом (...) в стране естественным образом возникнет средний класс...». Наподобие Саудовской Аравии сегодняшнего дня. И далее следует прямо-таки цитата из социальных программ всевозможных либерально-демократических партий о том, что «...средний класс только и способен стать основой подлинной общественной стабильности». Блестящая, сатирическая издевка над проблемами олигархической власти страны. Не правда ли?

Впрочем, что касается «высшего», так сказать общества, то Пелевин идёт дальше, давая ему уничтожающую характеристику, ярко образную и надолго запоминающуюся. Так, лисичка А Хули («Священная книга оборотня») проникла в самую суть этого общества. «Элита здесь делится на две ветви, которые называют „хуй сосаети“ (искаженное „high society“ [1]) и „аппарат“ (искаженное „upper rat“ [2]). „Хуй сосаети“ – это бизнес-коммюнити, пресмыкающееся перед властью, способной закрыть любой бизнес в любой момент, поскольку бизнес здесь неотделим от воровства. А „аппарат“ – это власть, которая кормится откатом, получаемым с бизнеса. Выходит, что первые дают воровать вторым за то, что вторые дают воровать первым (Выделено мной. – Т.Л.). Только подумай о людях, сумевших построиться в это завораживающее каре среди чистого поля. При этом четкой границы между двумя ветвями власти нет – одна плавно перетекает в другую, образуя огромную жирную крысу, поглощенную жадным самообслуживанием. Неужели ты захочешь крутиться вокруг этого чавкающего уробороса? Так называется алхимический символ – кусающая себя за хвост змея, – но в нашем случае здесь проглядывают скорее урологические коннотации».

Нужны ли ещё какие-либо комментарии? Картина постперестроечной России весьма наглядна и очевидна, а главное – метафора общедоступна. Когда я однажды в редакции прочитала эту цитату, ожидая эмоционального взрыва, присутствующие редактор и бизнесмен пожали плечами: дескать, что тут такого, удивительного? Это и так все знают! Знать-то знают! Но каждый ли решится сказать об этом не только вслух, с эстрады? (Михаил Задорнов, например, решает: «Президент России Медведев считает, что России не хватает рабочих. Олигархи добавляют: „И крепостных крестьян!“ Народ считает: „И революционных матросов!“»). А Пелевин идёт дальше – пишет! А что написано пером...

Не вырубись топором и его точку зрения на российские реформы, который век уже будоражащие умы просвещённой интеллигенции. В этой оценке, высказанной устами очаровательной лисички А Хули, автор категоричен:

«Реформы (...) идут здесь постоянно, сколько я себя помню. Их суть сводится к тому, чтобы из всех возможных вариантов будущего с большим опозданием выбрать самый пошлый. Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здорового пять лет назад, уже сожрано». Трудно не согласиться с такой трактовкой того, что происходит в современной России. И этот сегодняшний день еще подчеркивается разъяснением того, что начертано на флаге аппарата: «Здесь „upper rat“ мог бы рисовать на своих знаменах не медведя, а эту рыбку голову. Хотя медведь – тоже остроумный выбор: это международный символ экономической стагнации, к тому же есть выражение „брать на лапу“». Не следует, по-видимому, проводить прямых аналогий между российским символом – медведем (это, увы! не олимпийский Мишка) и первым, если не сказать почти единственным борцом с коррупцией, но отмеченная в романе как бы мимоходом стагнация – это уже серьезно. Мне представля-

ется, что современный застой куда круче застоя брежневских времён. Это уже раковая опухоль застоя, а что за ней...

И снова Пелевин верен себе: он не пропускает ни одного события жизни страны. Повестью «Проблемы верволка в средней полосе» он откликнулся на очередную кампанию борьбы в стране – борьбу с «оборотнями в погонах», не так давно широко обсуждавшуюся в СМИ. Вповести же оборотнями оказываются пожилой милиционер и военный в чине полковника. Главный герой повествования – Саша, находясь в волчьей стае, узнает, что «наши» (то есть оборотни, превращающиеся в волка) – везде, даже в райкоме в подмосковном городе Коньково. Стая. Ту же тему «стаи» автор разрабатывает и в «Священной книге...», где главный герой Александр сверхоборотень – генерал ФСБ после того, как коллегам не удалось его убить после случившегося «недоразумения» возвращается на работу.

– Какие недоразумения, – простонала я (лисичка А Хули —Т.Л.), – это же система. Ты думал, системе нужны солисты? Ей нужен хрюкающий хор.

– Если надо, хрюкну хором.

Александр готов «хрюкнуть хором», – это, так сказать, метафора коллективного патриотизма советского общества. И снова автор, как бы мимоходом, но на уроках прошлого, пророчествует: «Когда товарищ генерал-полковник первый раз в новой форме на работу вышел, старейшие сотрудники всплакнули даже. Они такого с пятьдесят девятого не видели». И далее сверхоборотень – лисичка А Хули— получает предупреждение, что «... сверхоборотень может быть только один...» и нужно: «Помнить, кто здесь сверхоборотень». Тоталитаризм на пороге, – предупреждает Пелевин. Сбудется ли это пророчество и, если да, то, когда? Время покажет. *Qui vivit, verget*.

Путь к этому историческому предвидению В. Пелевин прокладывал ещё раньше в блестящей книге «*Empire V*» (М.: «Эксмо», 2010 г.).

«Российский старожил давно приметил вострую особенность нашего бытования: каким бы мерзотным ни казался текущий режим, следующий за ним будет таким, что заставит вспоминать предыдущий с томительной ностальгией». Вот и ностальгируют не только старейшие работники органов, но и народ. Недавний телевизионный опрос о Сталине выявил это со всей очевидностью. Впрочем, разве, может быть иначе, если, следуя остроумной метафоре писателя, народ живёт в стране, управляемой вампирами. Но это не вампиры времён графа Дракулы. Современные вампиры «перестали пить красную жидкость (кровь – Т.Л.), когда вывели человека и заставили его вырабатывать деньги.

– Все правильно, – сказала Иштар (богиня вампиров – Т.Л.). – Но мы всё равно вампиры. Поэтому уйти совсем от крови мы не можем. Иначе мы потеряем свою идентичность и корни. Что такое деньги? Это символическая кровь мира. На ней всё держится и у людей, и у нас». И, перефразируя известную формулу Маркса, Пелевин «политкорректно» (разве можно иначе в наше время? Это не Дмитрий Быков с его неполиткорректной фантастикой) создает формулу судьбы вампиров: «красная жидкость – деньги – красная жидкость».

Фантастическая сатира Пелевина не знает пределов и границ: весь эволюционный процесс передан им с яркой образностью. Великая Мышь, оказавшаяся без пищи – крови динозавров, – эволюционирует в язык, который живёт в саблезубых тиграх («Мы были страшными, прекрасными и жестокими»). Но поскольку красота несовместима с жестокостью, в среде вампиров началась «революция духа», метафорически определяемая автором как переход от «мясного животноводства к молочному». Кстати, Пелевин не был бы Пелевиным, если бы при словах «революция духа» не появился бы наивный вопрос студента-вампира Рамы:

– Это как в Киеве на Майдане?

Не обойдена вниманием и проблема молодёжного движения: «Ждать, пока ростки нового пробьются через асфальт, сегодня никто не будет, потому что по асфальту ездят

серьёзные люди, Ростки на спецтрассе никому не нужны. Свободолюбивые побег, которые взломают всё на своём пути, принято сажать в специально отведённых для этого точках». Вот и появляются эти «специальные точки» от многочисленных, утверждённых правительством молодёжных программ до Высшей школы экономики при президенте России. Впрочем, не только экономики, есть ещё и многочисленные школы по созданию молодых управленцев. Правда Рама (не только вампир, но и гражданин своей страны!), задав вопрос относительно того, можно ли верить кому-нибудь из молодых политиков, получает безапелляционный ответ: «...какие бы слова ни произносились на политической сцене, сам факт появления человека на этой сцене доказывает, что пере нами блядь и провокатор». Не правда ли, как актуально, и не только по отношению к молодым политикам. Молодёжь талантлива и гениальна: «Один недавно пятьсот мёртвых душ по ведомости провёл (...). Три раза подряд. Сначала как фашистов, потом как пидарасов, а потом как православных экологов. В общем, на кого оставить страну, найдём».

Оптимистично, не правда ли? Кстати об оптимизме и обязательном хеппи энде. Чтобы не дать задремать оптимизму у человека, вампиры, ликвидировав у него волю, даруют взамен свободу. «Это совершенно потрясающая вещь. Мы говорим ему – пасись, где захочешь! Чем больше у тебя свободы, тем больше ты произведёшь денег». А вот для самих вампиров снова пророчествует Пелевин грядут непростые времена, «потому что ни красной, ни чёрной жидкости (т.е. нефти- Т.Л.) в мире на всех не хватит. И значит, скоро к нам в гости придут другие вампиры (...), кося хитрым глазом и соображая, как бы половчее отсосать наш баблос (нектар вампиров – Т.Л.). И тогда линия фронта вновь пройдёт через каждый двор и каждое сердце».

Как реалистично! Но какое страшное пророчество! Говорят, что все пророчества Виктора Пелевина сбываются через пять – семь лет. Год уже прошёл. Поживём – увидим. Если, конечно, как опасается один из вампиров, не подохнем с голоду.

[1] *Высшее общество.*

[2] *Верхняя крыса.*

Геннадий Муриков. «Вадим Кожинов: за и против»

По поводу выхода в свет посмертной книги В. Кожинова «Россия. Век XX» (М., 2008, «Алгоритм», «Эксмо»)

История — мать истины.

Аристотель

В прошлом году исполнилось 80 лет со дня рождения Вадима Кожинова, в этом году — 10 лет со дня его смерти. Имя этого человека представлять думающей, читающей и пишущей аудитории не имеет смысла: его знают все. Равно бессмысленно то ли хвалить, то ли порицать его выступления по многообразным вопросам русской культуры. Особенно известны его книги о Тютчеве и Гоголе, хотя далеко не всё в концепции автора однозначно. Это уже факт истории. Но есть основания обсудить само явление: Вадим Кожинов.

Я с ним никогда не был знаком лично, но на протяжении всей своей литературной деятельности самым внимательным образом отслеживал все его книги, статьи и отдельные выступления в печати, тем более, что не раз печатался на соседних страницах одних и тех же изданий. В тяжёлые 80—90-е годы о каких-то «спорах» говорить было трудно: мы шли одним путём против еврейско-либеральной прессы. Но вот настало время подвести некоторые итоги. И здесь я должен сказать честно, что Вадим Кожинов далеко не во всём прав.

Последняя его книга, о которой в основном здесь и пойдёт речь, по существу итог жизни, являющаяся осмыслением не только прожитого пути, а и всей истории России в прошлом веке, что уже ясно из заглавия. Она оставляет двойственное впечатление. Я не «либерал» и не «национал-большевик», хотя с уважением отношусь и к Э. Лимонову, и к А. Проханову, как к людям, продолжающим вести русскую национальную борьбу в настоящее время. В жарких перипетиях литературных столкновений 70-х, 80-х, 90-х годов Кожинов был известен как бескомпромиссный противник существующего режима. Ни в одной его статье я никогда не видел, чтобы было сказано (хотя бы в целях маскировки) хоть одно похвальное слово Брежневу, Горбачёву и др. «Года минули, страсти улеглись/ И высоко вознёсся ты над нами, / Плачь, русская земля, но и гордись...». Время изменилось. Изменилось не только время, но и вся эпоха.

Эта книга, увидела свет только после смерти автора, да и то не сразу. В ней автор, судя по замыслу, собрался подытожить свой литературный опыт в жанре осмысления русской истории прошлого столетия; она как бы является собранием его основных историко-публицистических выступлений последних 30 лет. Коренной вопрос, рассматриваемый автором, — это вопрос о так называемой «государственности» как основе сохранения России в качестве целостного образования в период величайших катаклизмов. Знаток и любитель русской философии «серебряного века» сразу скажет: идейная концепция автора книги находится всецело под влиянием идеологии так называемого «евразийства» (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, В. Н. Ильин, Д. П. Сятополк-Мирский и др.). Это становится ясным, когда В. Кожинов начинает объяснять ключевое для него понятия Евразии, как бы совпадающей территориально с Россией и являющейся главной опорой в геополитическом противостоянии с Западной Европой, особенно когда последняя была объединена Гитлером в ходе создания Третьего Рейха. Он ссылается на крупнейшего теоретика так называемого «геополитического мышления» К. Хаусхофера и сам признаётся в близости к евразийству.

«В силу уникальных (крайне неблагоприятных) географических и геополитических условий и изначальной многонациональности и, более того, (также уникального) России „государство“ не могло не играть в ней столь же уникально громадной роли, неизбежно

подавляя при этом попытки создания общества западного типа, основанного на „частных“ интересах его сочленов» (с. 997).

Сразу следует сказать – это важнейшая тема для литератора, который размышляет о смысле жизни. Ход мысли автора почти автоматически вводит его в круг глубочайших русских мыслителей прошлого века, главным образом евразийцев. Это ясно, потому что размышления на таком уровне становятся для читателя, понимающего, о чём идёт речь, «своими». Это не та болтовня, которую вели «академики» Б. Сучков, Ф. Кузнецов, М. Фридлянд и им подобные. Советская власть обеспечивала хорошими квартирами, дачами, машинами, но требовала одного: ходить по струнке и отдавать честь.

В. Кожин и его единомышленники – М. Лобанов, П. Палиевский, Ю. Селезнёв и др. – поставили вопрос так: адекватен ли существовавший в те годы режим русскому национальному сознанию. Ответ был однозначен: нет. Вот тогда-то и началась та подлинная перестройка, которая привела к великой революции конца XX века.

Свою книгу автор начинает, что вполне естественно, с изложения автобиографии. Из неё мы узнаём, что жизнь его предков при всех исторических катаклизмах XX века была вполне благополучной. Быть может, этот факт и дал основание В. Кожину судить о тяжелейших катастрофах как бы со стороны, с высоты «птичьего полёта» (в отличие, например, от А. И. Солженицына). Возможно, что и наоборот (например, размышляя о гражданской войне, он так снисходительно пишет о белом движении, и особенно об А. И. Деникине и Колчаке, как будто бы стоял рядом и давал им указания. Но об этом позже).

Теперь переходим к основному вопросу. В первых двух частях книги, в которых излагается история России до 1917 года, автор ставит в центр своего внимания так называемое движение «черносотенцев». Это одна из интереснейших тем русской истории, которая по понятным соображениям всё время замалчивалась и извращалась. Многие помнят замечательный фильм Э. Климова «Агония», где в ярком зримом образе талантливым актёром был показан В. М. Пуришкевич, выступавший на трибуне Государственной Думы. Но многие ли знают о его дальнейшей трагической судьбе, а тем более, что он был интересным поэтом? Детали его биографии Кожин рассказывает достаточно подробно, не касаясь, правда, его стихотворного творчества.

«Черносотенство» автор считает, как бы основной политически-прозорливой теорией и общественным движением, которое могло бы оказать решающее влияние на грядущую политическую историю России, если бы... В тексте приведено письмо одного из тогдашних министров внутренних дел – Н. Е. Дурново – царю, в котором тот предостерегал императора против участия в войне. Дурново полагал, что война приведёт к грандиозной социальной катастрофе, последствия которой будут неисчислимы. Однако Николай II не только не внял этому предупреждению, но и вообще отправил Н. Е. Дурново в отставку. Мы могли бы сказать, что последствия стали очевидными, но это стало ясно для нас через 100 лет.

И вот тут-то возникает первый вопрос к В. Кожину: почему так называемые «черносотенцы» или те, которых он считает таковыми, никак не смогли переубедить правящий дом Романовых в ошибочности проводимого ими курса, а особенно в вопросе о вступлении России в Первую мировую войну, а также о деятельности Григория Распутина, которая дискредитировала в глазах общественности правящий царский дом? Видимо, была какая-то внутренняя слабость или, выражаясь по-русски, чувство греха, которые не позволили Николаю объявить себя восстановителем порядка. И как диктатору «нового типа» возглавить усмирение черни. Автор рассматриваемой книги, касаясь убийства Распутина, упомянул только об одном интересном факте, что князь Феликс Юсупов по происхождению был на четверть евреем. Но остался без ответа вопрос: почему в этом деле принимали участие также великий князь Дмитрий Павлович и Пуришкевич? В дальнейшем В. Кожин старается показать, что великий князь Кирилл Владимирович, который якобы санкционировал это действие, будто бы

являлся человеком безнравственным и чуждым духу русского патриотизма, а также предположительно он был масоном. О том, что его сын Владимир Кириллович являлся до своей смерти последним официально признанным наследником дома Романовых в России, автор не упоминает. Между тем, хорошо известно, что после смерти Владимира Кирилловича его дочь Мария Владимировна официально отказалась от прав на российский престол.

Между прочим, Кожин, перечисляя лидеров движения «черносотенцев» и говоря о его сущности, полностью обходит вниманием деятельность некоторых его крупнейших теоретиков. Он пишет, и пишет справедливо, что в рядах Союза Русского Народа были и евреи: в частности, одним из его лидеров являлся А. Грингмут. Но почему-то ни разу не упоминается знаменитый еврей-антисемит Я. Брафман, автор знаменитой «Книги Кагала», дедушка известного поэта серебряного века В. Ходасевича (последний, кстати, евреев тоже не любил). В нашумевшем в те времена деле Бейлиса принимали участие некоторые члены Союза Русского Народа (Г. Г. Замысловский – прокурор, Н. Е. Марков), а также и М. О. Меньшиков, и В. В. Розанов, которые освещали ход этого процесса на страницах «Нового времени». В книге В. Кожина это тоже отражено лишь частично, причём искажённо. И таких пробелов немало. Но самый главный вопрос, почему же царское правительство не вняло всем таким дальновидным и глубокомысленным прогнозам? Как будто Николай II нарочно шёл навстречу своей смерти, хотя многократно цитируемый в книге Н. Бердяев и игнорируемый автором Д. Мережковский писали о неизбежности революции. Николай не внял этим предупреждениям.

И вот здесь мы могли бы задать вопрос автору книги. Когда он говорит о сохранении русской государственности, почему он не задаётся элементарным вопросом: а куда же сам царь вёл свою империю, не в пропасть ли? Зинаида Гиппиус написала в дневнике, узнав о расстреле царской семьи в августе 1918 года: нет, этого офицера мне не жалко. Он сам довёл страну до катастрофы. Но об этом В. Кожин умалчивает.

В книге В. Кожина многократно критикуется работа В. Солоухина «При свете дня» за некоторые фактические неточности. В. Солоухин и не пытался писать историческое, а точнее говоря псевдоисторическое исследование на эти темы. В этой и другой книгах («Солёное озеро») В.С. ясно говорит о том, что ему нравится и что не нравится. Напомним читателю, что книга В.С. открывается замечательным эпиграфом из сочинений Ленина: «Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не теснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (В. И. Ленин, собр. Соч., т. 41, с. 383).

И ведь это слова самого Ленина, создателя и вдохновителя этой самой «диктатуры пролетариата», которая не ограничена и не стеснена никакими законами (что сразу и обнаружилось на практике). Суть в том, что у Ленина слово с делом никогда не расходилось. Он был не из породы тех русских болтунов, вроде Некрасова или Чернышевского, которые утверждали, что «доброе слово тоже дело». Для Ленина слово и дело означали одно: пулёмёт, расстрел, лагерь. После таких признаний называть Ленина «умеренным», «сдержанным», – как это делает В. Кожин – это просто цинизм. А ещё более странно считать такого рода деятельность (Ленина и Сталина) сохранением и обновлением российской государственности.

Конечно, среди «евразийцев» было принято считать, что большевики наследовали традиции Чингисхана, Батыя, Мамаю. И даже высокообразованный Г. В. Вернадский считал, что русская государственность появилась только в результате татаро-монгольского нашествия. Мы не будем спорить. Может быть, это и так. Особенно, если бы сам Ленин считал, что справедливость и социализм установились бы тогда, когда на его семью напала бы банда восточных дикарей, которые кричали бы: смерть жидам.

Есть ещё один серьёзный вопрос, о котором В. Кожин даже не упоминает, но зато с удивительной пылкостью критикует В. Солоухина. Это вопрос о происхождении и генеалогии В. И. Ульянова (Ленина). В центре критики находится знаменитая книга Солоухина «При свете дня», на которую В.К. обрушивается за некоторые историко-фактические ошибки (которые были отмечены выше) с сокрушительными обвинениями. А в чем дело? Дело в том, что эти авторы, казалось бы, оба «патриоты», личность и деятельность Ленина понимают совершенно по-разному.

Следует ли считать, что столь явно выраженное презрение к понятию права и закона является порождением русского якобы бунтарского и анархического характера. Ленина часто сравнивают с немецкими фашистами. Но крупнейший теоретик национал-социализма К. Шмитт говорил, что не государство утверждает право, а наоборот без права государство невозможно, и оно является его производной функцией. Так рассуждал один из теоретиков учения об арийской расе. Теперь задумаемся о происхождении Ленина. И здесь нам придёт на помощь проклинаемый в книге Кожина В. Солоухин.

Излагая родословную Ленина в том виде, в котором её теперь можно излагать, В.К. подчёркивает всё время, что еврейский предок вождя, А. Д. Бланк, крестился и тем самым как бы перешёл в православие, т.е. вроде бы стал русским. Но почему-то у Кожина ни разу не сказано, с какой целью он крестился. А вот об этом В. Солоухин написал прямо:

«Да, вместе с братом А. Д. Бланк приехал в Петербург поступать в Медико-хирургическую академию. Но на их пути стеной встали законы Российской империи, запрещавшие принимать евреев в государственные учебные заведения».

Обратим внимание на то, что именно «государственные» учебные заведения, – скажем, – поступил бы А. Д. Бланк в частную врачебную школу – и звука бы не было, но ему нужен был казённый диплом с печатью. Вот и пришлось «наступать на горло собственной песни».

В Центральном государственном историческом архиве Ленинграда имеется их собственное (А. Д. Бланка и его брата – Г.М.) заявление по этому вопросу. «Вот его текст, – пишет В. Солоухин. – Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге и имея всегдашние обращения с христианами, Греко-русскую религию исповедующими, мы желаем ныне принять оную. А посему, Ваше преосвященство, покорнейше просим о посвящении нас святым крещением учинить в Самсониевской церкви священнику Фёдору Борисову предписание...

К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К сему прошению Израиль Бланк руку приложил». Крещение было учинено в Самсоньевском соборе в июле 1820 года».

(В. А. Солоухин. «При свете дня». «Солёное озеро». Владимир, 2008, с. 27—28).

В Солоухин дальше поясняет, что и с отцовской стороны в биографии Ленина далеко не всё просто, и есть основания предположить, что его дед (т.е. отец знаменитого статского советника Ильи Ульянова) был женат на собственной дочери, которая с помощью определённых церковных махинаций была выдана как бы за его племянника. Отсюда и появились определённые странности (они общеизвестны) в характере и личности Ленина: его ранняя плешивость, картавость (по отцу), дефекты в развитии головного мозга, которые и привели его, в конце концов, к гибели. Но не будем углубляться далее в эту тему, тем более, что В.К. неоднократно повторяет, что суть исторических процессов нельзя объяснять личностными качествами правителей. В этом, конечно, можно усомниться, сославшись хотя бы на необычайно популярную в начале XX века пьесу А. Стриндберга «Эрик XIV», где как раз и идёт речь о проблеме сумасшедшего правителя на троне. При этом рассматривается самый главный вопрос о том, что делать, если никак нельзя ни сместить его, ни хотя бы как-то ограничить его безумную активность. Современники (начало XX века), а пьеса была поставлена

и в МХТ, и в других театрах, сопоставляли эту фигуру из истории шведского средневековья с Николаем II. У нас, конечно, есть основания подумать и о других параллелях.

Чего стоит хотя бы один факт (может быть, и легендарный), который приводит в той же книге В. Солоухин со ссылкой на журналиста В. Родикова: «После смерти Ленина была создана комиссия, чтобы описать документы и бумаги, находившиеся в его сейфе. В комиссию входил узкий круг лиц: Дзержинский, Куйбышев, Сталин... Вскрыли сейф, а там... сосуд с заспиртованной головой Николая II (там же с. 194). Теперешние большевики нового склада могут не поверить такому сообщению, да и я сомневаюсь. Однако, заметим, что такого рода информация на пустом месте не появляется. Что-то было, но что? Кстати, что уж тут говорить в этом контексте о якобы найденных останках покойного императора Николая и его семьи и всех «процедурах», связанных с их перезахоронением в 1998 году. Святейший патриарх Алексей II отказался признать, что обнаруженные останки принадлежат царской семье, тем более, что ещё одна «могила» Николая до сих пор существует в Испании под покровительством бывших членов династии до определённого периода сохранявших право на юридическую преемственность монархической власти в России, об этом мы уже писали выше. В Кожинев об этом не только не упоминает, но и напротив считает, что кроме Ленина и Сталина, других руководителей Россия как бы и не должна была знать.

Говоря о многочисленных жертвах революции В. Кожинев часто ссылается на печальную историю знаменитой французской революции 1879 года, особенно на её «якобинский» период, в ходе которого по подсчётам известного английского историка Томаса Карлейля, написавшего одну из авторитетнейших историй этого периода, было уничтожено в процессе революционного террора (гильотинирование, утопление в баржах – этот метод казни был применен и в ходе революции 1917—1920 г. – Г.М.) около 17 000 человек. Т. Карлейль, а вслед за ним и В. Кожинев, считают эту цифру огромной. А для сравнения простой взгляд на вещи: у нас во время афганской кампании погибло 13, 5 тысяч человек, во время чеченской – почти столько же, – и это надо считается нормой жизни?

Дальше В. Кожинев рассуждает о подавлении тогдашними французскими революционерами восстания в Вандее (об этом написан роман Виктора Гюго «Девяносто третий год», одна из частей которого называется «В Вандее»). Это восстание трактуется как бунт крестьян против революционного правительства. Но ведь, если посмотреть по правде, это так и было! Более того, часть тогдашнего французского государства организовала вооружённый мятеж против центрального правительства. Обширные силы были брошены на его подавление. Для сравнения чеченский мятеж под руководством Д. Дудаева, – и какие выводы из этого могут быть сделаны?

В Кожинев как бы забыл ещё одну историческую справку. После завоевания Гитлером Франции и заключения мирного договора с маршалом Петеном (1940 год) Вандея, т.е. полуостров Бретань, получила статус автономии, поскольку населявшие её бретонцы никогда не стремились влиться в состав «галлов» или «французов». Так называемое «французское Сопротивление» в рядах бретонцев-вандейцев никогда не имело поддержки.

Число жертв гражданской войны автор книги определяют в 19, 6 миллионов человек и считают её самой разрушительной войной в истории России. Может быть, это и так. Но вот ещё некоторые факты.

Когда мы переходим к рассмотрению событий времён гражданской войны, бросается в глаза одно: В. Кожин, конечно, совершенно справедливо считая, что лидеры белогвардейского движения (особенно Колчак и Деникин) по-своему старались защитить и восстановить Россию, всё же пошли на поводу некоторых группировок из круга Антанты. Нет сомнений, что адмирал Колчак, генерал Деникин и барон Врангель были глубоко обеспокоены дальнейшей судьбой России. Но автор книги со ссылкой на подозрительный и малоизвестный источник пишет, что будто бы сибирское крестьянское восстание внутри рядов армии Колчака помешало последнему соединиться с частями Деникина и окончательным штурмом взять Москву, где большевистские правители уже готовили паровоз с поездом, куда погрузили семьи своих родственников, обзаведясь документами на проживание в разных странах Европы. И даже несгибаемый Троцкий, который курсировал тогда на специальном бронепоезде с востока на запад, окружённый группой спец. охранников и имевший подписанный Лениным декрет о расстреле любого по его личному указанию, дрогнул. Только тогда, единственно только тогда, большевикам помогли анархисты: батяня Нестор Махно ударил с юга по цельной и стройной армии Деникина, и последнему пришлось, как и Колчаку, отступить.

Судьба Нестора Махно не находится в центре книги В. Кожина, хотя в ней немало сказано о Второй Конной армии маршала Егорова (он был расстрелян большевиками за измену), о деятельности Думенко и Щорса. Последний был убит выстрелом в затылок по приказу одного из комиссаров за то, что он решил воевать «за советскую власть без коммунистов».

В. Кожин, как уже отмечалось выше, руководствуясь основоположениями теории «евразийцев», почему-то считает, что Сталин и многие его соратники только и думали о том, как бы восстановить «Государство Российское» (слова Н. М. Карамзина).

Он пишет, что он сам со школьных и студенческих лет думал только о мировой революции. Мелкая, так называемая патриотическая борьба, внутри советского государства ему казалась примитивной и недалёкой: дескать, здесь с какой-то стороны вякают какие-то «антикоммунисты», троцкисто-зиновьевцы, а вот мы-то смотрим на вещи шире: для нас «Россия – это не предел стремлений и не государственная организация», а плацдарм для мировой революции. Сошлюсь на мнение писателя-постмодерниста Виктора Ерофеева, сына сталинского чиновника – дипломата, который признавался, что на свой вопрос отцу об этом, тот, лично и близко знавший Сталина, отвечал так: Сталин всегда верил в мировую революцию и всё делал для её торжества. Другое дело, что осуществить эту программу в то время можно было только по частям, а не одновременным восстанием, как думали Ленин и Троцкий.

Для нас это начало борьбы за мировую революцию. В. Кожин с упоением приводит такие стихи своих современников:

*Но людям родины единой,
Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутинна
Вела нас жить и умирать, (...)*

*Но мы ещё дойдём до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.*

Эти стихи написал Павел Коган, автор знаменитой «Бригантины», подвергшийся сталинским репрессиям, и погибший в 1942 году под Новороссийском.

А вот что писал сотоварищ П. Когана, знаменитый впоследствии Борис Слуцкий, об одном из своих друзей, погибшем в 1943 году:

*Я не жалею, что его убили.
Жалею, что его убили рано.
Не в Третьей мировой, а во Второй.
Рождённый пасть на скалы океана,
Он занесён континентальной пылью
И хмуро спит в своей глуши степной.*

Смысл одинаковый и там, и там. С одной стороны – «бригантина поднимает паруса», и от Японии до Англии сияет родина его. Ведь ясно, что речь идёт о «всемирной родине», трансконтинентальном мировом государстве, а вовсе не о какой-то там «России», о которой наивно думает Кожин. Это люди, которые хотели бы поставить свой победный красный флаг над всем миром. И когда Борис Слуцкий пишет, что он ждёт третью мировую войну, сожалея о смерти друга во второй мировой войне, закопанного в пыльной степи, хотя он должен был бы умереть на берегу океана, чувствуешь, что Б. Слуцкий желает своему товарищу достойной смерти. Впоследствии, правда, этот талантливый писатель и поэт сильно пересмотрел свои взгляды в стихотворении «Про евреев»:

*Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.*

*Евреи – люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе. (...)*

*Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.*

Время меняет людей, особенно тех, кому удалось пережить разные эпохи.

А теперь обратимся к размышлениям В. Кожина по поводу судьбы Коминтерна и дальнейших перспектив мировой революции. Как известно, Коминтерн был распущен в 1943 году. Но вместо этой организации, давно уже себя дискредитировавшей, Сталин чуть позже создал Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), на который возлагал большие надежды. Нет ничего странного в том, что перед ним были поставлены задачи по мобилизации мирового еврейства на борьбу с Гитлером. Это было намного важнее в тот момент, чем мнимое восстание «мирового пролетариата», которое было как бы обещано учением марксизма-ленинизма. Деятельность ЕАК, разумеется, развернулась по всем странам и континентам, особенно в США, тем более, что во главе её стояли И. Фефер, С. М. Михозлс, П. С. Жемчужина – жена Молотова. Тем самым этой организации как бы был придан госу-

дарственный статус, и впоследствии при организации в 1948 году государства Израиль это сыграло очень важную роль. Когда Сталин поссорился с новым израильским руководством, большая часть руководителей ЕАК была расстреляна, а П. С. Молотова (Жемчужина) перед тем как быть отправленной в лагерь, где она и пребывала вплоть до смерти Сталина, была подвергнута унижительным допросам, когда её, горделивую начальницу, ставили «раком», лазали в анальное отверстие и во влагалище «с целью проверки, не спрятаны ли там бомбы и отравляющие вещества». Нет ничего удивительного, что первое решение группы Хрущёва-Маленкова-Молотова состояло в том, чтобы освободить их ближайших родственников. В. Кожин считает, что политические действия Сталина в первые годы послевоенного времени продолжали его борьбу с партийной верхушкой, начатую ещё в 30-х годах.

Однако как был, так и остался неразрешённым вопрос о пресловутом «ленинградском деле». В Кожин только пишет, что, судя по всему, в число «заговорщиков» должен был быть включён и А. А. Жданов. Но он «вовремя» умер. Однако, предчувствуя наступающие события, он попытался незадолго до смерти «отмазаться» от обвинений, которые могли бы быть ему предъявлены, с помощью пресловутого доклада о творчестве Ахматовой и Зощенко. С этой мыслью В. Кожина можно согласиться, но очень трудно согласиться с другим: чего это вдруг в цитадели революции член Политбюро А. Вознесенский, кандидат в члены Политбюро А. Кузнецов, председатель ленинградского обкома Попков решили вдруг организовать некую русскую партию, которая якобы претендовала на оппозицию сталинскому режиму. Вопрос этот в книге В. Кожина никак не разрешается. А мы от себя добавим (о чём в тексте упомянутой книги ничего не сказано), что будто бы «русскому революционеру» А. Вознесенскому, которого Сталин якобы прочил на пост своего преемника и с этой целью ввёл в Политбюро после смерти Жданова, принадлежит книга с идиотским на современный лад названием: «Политэкономия коммунизма».

Если люди, которые могли мыслить таким образом предполагались быть преемниками Сталина, да ещё как «русские патриоты, то порадуешься, что, хотя бы Хрущёв и Маленков появились в качестве более или менее разумных преемников полусумасшедшего вождя. В своих воспоминаниях, надиктованных на диктофон незадолго до смерти, Хрущёв писал, что Сталин последние 2—3 года стал крайне недоверчивым, необычайно подозрительным, резким, грубым и склонным верить любым поступающим со стороны доносам. Есть основания думать, что это правда.

Подводя итоги, вспомним одну из мыслей, которая была высказана в самом начале книги: это мысли о сущности революции, произошедшей в нашей стране. В Кожин считает, что Революция – это не признак (по ленинским словам) «обнищания масс трудового народа», а Революция – это высокий всплеск тех же самых трудящихся масс для повышения того жизненного уровня, который уже и как бы был достигнут: «Возьмём только одно двадцатилетие, с 1893 по 1913 год, без особо сложных разысканий можно убедиться, что Россия за этот краткий период выросла поистине „страшно“ (по суворинскому слову). Население увеличилось почти на 50 миллионов человек (...), среднегодовой урожай зерновых – с 39 млн. тонн до 72 млн. тонн, следовательно, почти вдвое... и др.». В максимальном для сталинской урожайности 1940 году было собрано по официальной статистике 96 млн. тонн. Эта цифра ни разу не перекрывалась ни при одном правительстве СССР; и лишь в урожайном 2010 году был достигнут валовой сбор зерна в 97.1 млн. тонн. Во все годы правления Сталина шла внутренняя непрерывная гражданская война. Кожин считает, что она прекратилась ко времени перестройки, но он скончался в 2001 году и ясно, что не смог предвидеть того, как эта гражданская война ведётся и сейчас.

Автор пишет: «Революция так или иначе была «делом» России в целом и потому проклинать её – значит в конечном счёте проклинать свою страну вообще. Впрочем, многие вполне откровенно так и делают, – вот, мол, проклятая страна, где оказалось возможным нечто подобное, достаточно часто при этом с лёгкостью переходят к обличению и других эпох истории России или её истории вообще» (с. 969). Дальше В. Кожин признаётся. Что в молодости он сам увлекался революционными идеями, а, судя по тексту, они сохранились у него и до последних лет. Можно по-разному к этому относиться. Революция – это не болезнь, это не зигзаг истории, при условии, что это национальная революция, а не так называемая «интернациональная». Автор, много говоря о жертвах французской революции, ни разу не вспоминает американскую, которая почему-то обошлась без всякого террора, которая привела к созданию грандиозного государства и обошлась почти без жертв (вопрос о рабстве негров и судьбе индейцев выходит за пределы настоящей рецензии). Революция в России – трагическое соединение двух факторов: бессилия царского режима и перипетии Первой мировой войны. По-своему это уникальное явление в мировой истории.

Сочувствие автора к «евразийцам» заставляет нас вспомнить их дальнейшую трагическую судьбу. Их идеологи, в 1920-е годы, находясь под гипнотическим воздействием своей концепции о том, что советская власть неминуемо сама собой переродится (эта мысль близка и В. Кожину) и воспримет православную идеологию и веру, легко попались на удочку ОГПУ (Организация «Трест»), а некоторые из них, решившись под влиянием чекистской агентуры, вернуться в СССР, стали жертвами сталинского террора. Ни о каком перерождении советской власти не могло быть и речи. То, что В. Кожин и его единомышленники считают возвращением к якобы исконно русским национальным ценностям в 1990-х годах – на деле лишь перелицовка советско-марксистско-сталинского режима с добавлением в него серьёзного уголовного начала и религиозного сектантства под видом восстановления РПЦ.

В заключение укажем на две ошибки автора, которые обращают на себя внимание. Во-первых, он пишет, что режиссёр С. Эйзенштейн по ошибке считается евреем, хотя он будто бы является прибалтийским немцем. Открываем авторитетнейшую в еврейских кругах «Российскую Еврейскую Энциклопедию», том 3, Эйзенштейн Михаил Осипович (1867, Петербург – 1921 Берлин), архитектор. Действительный статский советник (и т.д.). В примечании к статье сказано: «Сын Э. – Сергей (1898—1948), режиссёр, теоретик кино. Д-р иск-ведения, проф. (1937). Поставил игровые ф.: „Броненосец „Потёмкин““ (1925), „Октябрь“ (1927), „Иван Грозный“ (1-ая сер., 1945; 2-я сер., 1958). Засл. Деятель иск-в РСФСР (1935). Стал. пр. (1941, 1946)». А, во-вторых, на стр. 978 автор обличает псевдореволюционную стратегию и тактику Мао Цзедуна, ссылаясь как на объективный источник на книгу П. П. Владимирова (псевдоним советского разведчика того времени, отца Юрия Власова) «Особый район Китая» (М., 1973), которая на самом деле является фальсификатом, изготовленным после ухудшения советско-китайских отношений его сыном по согласованию с Ю. Андроповым, в то время главой КГБ, о чём говорил как сам Власов, так и известный китаевед Александр Панцов.

Книга В. Кожина, разумеется, требует глубокого и серьёзного обсуждения. Значительную часть материала (о сталинской политике в 30-е годы, о советско-германской войне) мы вынуждены были опустить ввиду ограниченности текста. Очень жаль, что пока нет сколько-нибудь внятного отклика на этот весьма значительный, хотя и спорный с разных точек зрения труд. Бесспорна только смерть.

Ася Поплавская (Белоруссия). «Каждое время – лучшее»

О книге для подростков белорусских писателей Андрея Жвалецкого и Евгении Пастернак «Время всегда хорошее».

Вы хотели бы пожить во времена молодости своих родителей? Я – очень. И не только потому, что часто слышу: мол, тогда и вода была вкуснее и трава зеленее и люди добрее... Хотелось бы узнать: какова она, жизнь без коммуникаторов, без интернета? Действительно ли наше время бежит стремительно, а раньше – замедленно? Убедиться, где же интереснее жить – во времена СССР или в XXI веке, либо понять, что все времена – хорошие.

Белорусские писатели Андрей Жвалецкий и Евгения Пастернак как бы подслушали мои мысли и написали книгу «Время всегда хорошее». Книга, ориентированная на подростков, будет интересна и взрослым: приятно вспомнить годы своей молодости, увидеть в книге своих компьютеризованных детей (скорее, молодёжь будущего – действие происходит и в 2018 году).

Все события романа происходят параллельно. Главные герои – Оля (Синичка) и Витя, живя с разницей в 38 лет, одновременно заболевают (Витя – от того, что должен исключить из пионеров друга за то, что тот принес в школу пасхальный кулич, Оля – потому, что в школе ввели ежегодные устные (!) экзамены, а дети будущего разговаривать толком не умеют, все через комиков (коммуникаторы) общаются), узнают первую любовь, защищают друзей, меняются временами...

Подростки встретились во сне и... проснулись в новом времени. Кстати, встреча состоялась 12 апреля, в День космонавтики. Думаю, авторы не случайно именно в этот день отправили своих героев в космос, где и перепутали их местами...

Пионер Витя оказался в будущем, среди компьютеров, комиков и мобильных телефонов, о которых мог только мечтать. Он даже не догадывается, что скоро перенесется в те времена, когда все это будет не фантастикой, а реальностью! Витя достаточно быстро осваивает все «фантастические» предметы, учит своих одноклассников, над которыми тяжелой тучей висят устные экзамены, общаться вживую, не на форумах, а друг с другом.

Синичка-Оля, оказавшись в прошлом, не может понять, чем можно заниматься без компьютеров и интернета. Она удивляется «сплошному антиквариату» и не может привыкнуть к тому, что дети разговаривают в реальной жизни, а не в виртуальном мире.

Оля решает, что попала в компьютерный квест и, собирая подсказки, переходя на новые уровни, победит и снова окажется в своём времени, а Витя убежден, что над ним ставят научный эксперимент и ищет коллег-подопытных среди своих одноклассников. Но вскоре молодые люди убеждаются, что они не в квесте и не в эксперименте, вспоминают сон и понимают, что просто поменялись местами.

Не обходится и без первой школьной любви. Оля и Женя Архипов (тот самый «ненадёжный пионер», который принес в школу бабушкин пасхальный пирог) влюбляются друг в друга. Оля, зная, что скоро СССР развалится и будет все по-другому, пытается доказать это пионервожатой и завучу школы, но безуспешно: в фантастические выдумки девушки верит только Женя, который мечтает изобрести машину времени...

У Виктора просыпаются чувства к неуклюжей и молчаливой Сушке, которой он помогает стать более коммуникабельной, учит общаться вживую, пробовать реальную жизнь, а не только виртуальную...

Авторы романа достаточно убедительно обозначили проблемы роста, с которыми сталкиваются все дети, разоблачили плюсы и минусы виртуальной жизни и излишней компьютеризованности школьников: «Зачем мне запоминать стихи, когда на Гугле я найду их в три секунды?».

Если учителя называют учеников, которые во время занятий переписываются на форуме, роботами, последние противостоят взрослым: «Почему роботы? Ну почему? Просто наша действительность шире вашей, просто мы живем в двух измерениях – и в реале, и в виртуале. Зачем вам обязательно надо вырвать нас из привычного мира и вписать в свои пределы? У нас в виртуале нет границ, мы все равны. У нас нет комплексов, каждый тот, чем он хочет быть...» Но не забывают ли они, что настоящая жизнь – не виртуальная, а реальная, в которой все те комплексы, которых будто нет в интернете, вылезают на поверхность в гиперболизированной форме?.

Словно предупреждая нас, будущих родителей, авторы показали, что скоро дети, познавая компьютер с малых лет, разучатся не только писать ручкой, но даже нормально разговаривать между собой.

Легкая фантастика с увлекательным сюжетом и тонким юмором, реконструкцией событий 1980 года и жизнь, какой она будет, по мнению авторов, в 2018 году... От книги не могут оторваться ни дети, ни их взрослые родители. На вопрос, пишут ли современные белорусские авторы для детей – чтобы дух захватывало, но и подумать-порассуждать можно, – отвечайте твердо: да! А время действительно – всегда хорошее. В добрый час!

Александр Фитц (Германия). «О литературе российских немцев»

Особенность литературы российских немцев (именно особенность, а не уникальность, ибо в схожей ситуации пребывают литературы ещё некоторых народов) заключается в том, что существует и развивается она как бы в двух языковых пространствах: немецком и русском.

Но так было не всегда. Вплоть до Октябрьской революции, или, как теперь говорят, Октябрьского переворота 1917 года, живущие в России немецкие писатели и поэты писали исключительно по-немецки.

Конечно, мне могут возразить, назвав имена Дениса Фонвизина, Антона Дельвига, Владимира Даля, Вильгельма Кюхельбекера, Николая Греча, Елизаветы Кульман, Филиппа Вигеля, Николая Берга, Егора Энгельгардта, Николая Гейнце, Фёдора и Ореста Миллеров, Александра Востокова (Остенек), Егора Розена, Эдуарда Губера, Александра Эртеля, Петра Струве, а также живших позже Александра Блока, Зинаиды Гиппиус, Бориса Пильняка (Воган), Константина Вагинова (наст. фамилия Вагенгейм), Веры Фигнер, Николая Эрдмана, Ирины Одоевцевой (урожд. Гейнике), Каролины Павловой (урожд. Яниш), Юрия Рейнгардта, Галины Ганейзер, основателя первого литературного музея в России Фёдора (Фридриха) Фидлера, о котором современники говорили, что «никто из русских не любит русскую литературу, как этот немец», а также лингвиста и филолога, крупнейшего специалиста по славянским языкам и литературе Бориса Унбегауна. Это о нём Н. И. Толстой говорил: «учёный с нерусской фамилией, но с русским самосознанием, русским сердцем и русской нелёгкой судьбой», хотя разве немецкая судьба легче?.. Всё верно: являясь немцами по происхождению, свои произведения они создавали в большинстве на русском языке. Но в данном случае я веду речь о литераторах, в центре внимания которых в основном были российские немцы.

Так вот, принято считать, что первым поэтом российских немцев, их «праотцом» является дворянин и офицер Бернхард фон Платен (Bernhard von Platen) из Брауншвейга (по другим сведениям, из Померании), направившийся в Российскую империю «за счастьем» и рассказавший о своих приключениях в пути на Волгу, незнакомых краях, трудностях и разочарованиях переселенцев в поэме «Описание путешествия колонистов и образ жизни русских» (1766—67 гг.). К слову, этот его стихотворный отчёт стал не только первым, но и последним чисто «эмигрантским» литературным произведением из написанных российскими немцами. Ни на миг, не забывая свою прародину, германские княжества, объединившиеся в 1871 году в единое государство, и не отказываясь от неё, все они искренне считали Российскую империю, а позже СССР, новой родиной. Пусть не очень ласковой, зачастую жестокой, но родиной.

Вот об этом их отношении, их радостях, печалях, сомнениях, праздниках, буднях и повествовали немецко-русские литераторы.

Признаюсь, я не стремился найти среди них «вторых Гёте с Шиллером», или «второго Пушкина». Да это и не нужно, ибо стереотип «основоположника» весьма условен и носит, как думаю, скорее политико-патриотический, нежели интеллектуальный характер. Но это, повторяю, моё личное мнение.

Что же касается «крепких писателей» с «пристальным взглядом и лёгким пером», то они у российских немцев, конечно же, были. К примеру, Антон Шнайдер (1798 – 1867), Фридрих Дзирне (1835 – 1872), Александр Вульф (1862 – 1921), Август Лонзингер (1881 – 1953), которых, собственно, и считают основоположниками литературы российских немцев.

Я не случайно привёл годы их жизни. Дело в том, что именно в тот период творили официально признанные основоположник украинской художественной прозы Григорий Квитка-Основьяненко (1778 – 1843), латышской поэзии – Юрис Алуна (1832 — 1864), нового грузинского языка и литературы – Илья Чавчавадзе (1837 – 1907), письменной казахской литературы поэт Абай Кунанбаев (1845 – 1904), белорусской литературы поэт Франтишек Богушевич (1840 – 1900). И, наконец, наше, то есть русское всё – Александр Сергеевич Пушкин (1799 – 1837).

Всем известно, что прадеда Пушкина звали Абрам Петрович Ганнибал и был он «арапом Петра Великого», но мало кто знает, что женой этого самого арапа, то есть прабабушкой основоположника новой русской литературы, являлась немка, пасторская дочь Христина Матвеевна Шеберг. Да и Жорж Дантес, которого в России упорно называют французом, – француз лишь на четверть: отец его – наполовину француз, наполовину – немец, мать – чистокровная немка.

Впрочем, я несколько отвлёкся. Суть же перечисленных мною имён и дат в том, что литература российских немцев зародилась одновременно с литературой других народов, населяющих Российскую империю, а позже СССР. Причём не только на немецком, но в значительной степени и на русском языке. И в подтверждение этой мысли ещё раз упомяну обрусевших Дениса Фонвизина, Антона Дельвига, Вильгельма Кюхельбекера... А как не назвать Александра Герцена, Льва Мея, Максимилиана Волошина, Марину Цветаеву, Глеба Кржижановского, философа Ивана Ильина, Александра Фадеева (да, да того самого, руководителя Союза писателей СССР и автора «Молодой гвардии»), которые были немцами наполовину. Прибавьте к ним здравствующих Андрея Буровского, Сергея Татура, и вы согласитесь: перечень имён впечатляет. Но он был бы неполным, если не вспомнить поэта Евгения Евтушенко, которому в 1944 году отцовскую фамилию Гангнус сменили на материнскую – Евтушенко.

Причину изменения фамилии живописно рассказал сам поэт, и я позволю себе воспроизвести этот его рассказ, тем более что он весьма характерен и символичен.

«Во время войны, как множество советских детей, – вспоминает Евгений Александрович, – я, конечно же, ненавидел немцев, однако моя не совсем благозвучная фамилия «Гангнус» порождала не только шутки, но и немало недобрых подозрений – не немец ли я сам. Эту фамилию я считал латышской, поскольку дедушка родился в Латвии. После того как учительница физкультуры на станции Зима посоветовала другим детям не дружить со мной, потому что я немец, моя бабушка Мария Иосифовна переименовала мне отцовскую фамилию на материнскую, заодно изменив мне год рождения с 1932 на 1933, чтобы в сорок четвёртом я мог вернуться из эвакуации в Москву без пропуска.

Ни за границей, ни в СССР я ни разу не встречал фамилии «Гангнус». Кроме отца, её носили только мои братья по отцу – Саша и Володя.

Однако в 1985 году в Дюссельдорфе, после моего поэтического вечера ко мне подошёл человек с рулоном плотной бумаги и, ошарашив меня, с улыбкой сказал:

– Я прочёл вашу поэму «Мама и нейтронная бомба»... Вы знаете, учительница физкультуры на станции Зима была недалеко от истины. Разрешите представиться – преподаватель географии и латыни дортмундской гимназии, ваш родственник – Густав Гангнус.

Затем он деловито раскатал рулон и показал мне генеалогическое древо по отцовской линии.

Самым дальним моим найденным пращуром оказался уроженец Хагенау (около Страсбурга) Якоб Гангнус – во время Тридцатилетней войны ротмистр императорской армии, женившийся в 1640 году в Зинцхейме на крестьянке Анне из Вимпфенталя. Его дети, внуки

и правнуки были пастухами, земледельцами, скитались из города в город, из страны в страну, и, судя по всему, им не очень-то везло.

В 1767 году правнук Ханса Якоба – бедствовавший многодетный немецкий крестьянин Георг Гангнус, до этого безуспешно искавший счастья в Дании и разочарованно вернувшийся оттуда, решил податься на заработки в Россию вместе с семьёй – авось повезёт. В Германии в этот год была эпидемия какой-то странной болезни, и Георг, ожидая корабля, скончался в Любеке, оставив жену Анну Маргарету с восемью детьми – мал мала меньше. Но она была женщина сильной воли и, похоронив мужа, отплыла в Кронштадт, куда не добрался он сам, потом оказалась в лифляндском селе Хиршенхофе (ныне Ирши).

Анна Маргарета не гнушалась никакой чёрной работы, пахала, чистила коровники, стирала, шила и порой от отчаянья и женского одиночества запивала так, что однажды её морально осудил сельский сход. Но в конце концов она поставила на ноги всех восьмерых детей. Им удалось выбиться из нищеты, но не из бедности. Все были крестьянами, мелкими ремесленниками, – никто не получил высшего образования, никто не разбогател. Но внук Анны Маргареты – мой прадед Вильгельм – стал знаменитым стеклодувом на стекольном заводе Мордангена и женился на вдове своего старшего брата – Каролине Луизе Каннберг. В 1883 году у них родился сын Рудольф – будущий отец моего отца...» [1]

На этом, пожалуй, прерву рассказ Евгения Александровича, в жилах которого, по его словам, течёт немного русской, немного польской, украинской, но более всего немецкой крови. А вот считает он себя однозначно русским поэтом. А может, просто так сложилась жизнь, и при иных обстоятельствах он бы сказал: «я – российско-немецкий поэт». Но как бы то ни было, всё это ещё раз подтверждает не раз звучащую мысль о том, что «российские немцы являются народом, рождённым в России и рождённым Россией, а потому одним из её коренных народов».

Вспоминаю, как в марте 1991 года в Москве состоялся первый съезд немцев СССР, на котором присутствовали представители других репрессированных народов, в том числе калмыков. От них с проникновенной, образной речью выступил народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов. «Вы другие немцы! – сказал он. – Не могла вам Волга в вашу колыбель то же самое нашёптывать, что нашёптывал немцам Рейн...».

И ведь он прав! Более 250 лет минуло с того времени, когда в Поволжье, Крым, Украину, Кавказ по приглашению русских царей стали массово приезжать, создавая колонии, швабы, силезцы, баварцы, гессенцы, эльзасцы, датчане, швейцарцы, французы, австрийцы, бельгийцы и уже там выплавились они в народ, получивший название российские немцы. А ещё были прибалтийские (остзейские) немцы, волынские (из них, к слову, происхожу и я), которых Россия присоединила вместе с их родными сёлами, городками, обычаями, языком, литературой и тоже переплавил. Невольно возникают параллели с возникшими похожим образом американцами, канадцами, бразильцами, австралийцами, аргентинцами. Но есть между нами одно существенное отличие: если их право называться народом уже давно никто не оспаривает, то нам в нём категорически отказывают.

Написав это, представил лица политиков, сторонящихся этой беспокойной для их карьер и благополучия темы. Наверняка многое бы они дали, чтобы её вообще не было. Но она есть, и, уверяю, никуда не исчезнет. И правда о преступлении, совершенном в XX столетии в отношении российских немцев, становится известной всё большему количеству людей. Вот уж воистину – всё тайное становится явным. И происходит это в значительной степени благодаря не только историкам, труд которых порой сродни работе минёров, но и писателей.

Советский Союз не без основания называли «самой читающей страной в мире», поэтому смею утверждать, что в 1920—30 годы имена Давида Шелленберга, Готлиба Шнайдера, Георга Люффа, Фридеберта Фондиса, Герхарда Завадски (роман последнего «Своими

руками» ставили в один ряд с шолоховской «Поднятой целиной») были известны миллионам. А сегодня? Кто их читал? Кто их знает?

В историю мировой науки российские немцы вписали немало славных имён. В основном это были специалисты в области точных, естественных и технических наук – в таких предпочтениях отразились, видимо, особенности национального характера. Но были среди великих российских учёных с немецкими корнями и крупные литературоведы. Например, выдающийся исследователь русского былевого эпоса, глава так называемой «исторической школы» в русской фольклористике, языковед, этнограф и археолог академик В. Ф. Миллер (1848 – 1913); востоковед-иранист, член-корреспондент АН СССР Ф. А. Розенберг (1867 – 1934); литературовед и искусствовед, первый главный редактор созданного им в 1914 г. журнала «Журналист», академик АН СССР В. М. Фриче (1870 – 1929); востоковед (иранист и тюрколог) профессор Ленинградского университета, член-корреспондент АН СССР, а также член-корреспондент Иранской и Арабской (в Дамаске) академий наук Е. Э. Бертельс (1890 – 1957); востоковед, создатель советской школы японоведения, действительный член АН СССР, академик Н. И. Конрад (1891 — 1970); специалист по сравнительному литературоведению и истории французской литературы, член-корреспондент АН СССР, вице-президент Международной федерации современных языков и литератур Ю. Б. Виппер (1916 – 1991). Нельзя не упомянуть также профессора Ф. П. Шиллера (1898 – 1955), менее чем за десять лет преодолевшего путь от должности скромного сельского учителя до крупнейшего авторитета в области западноевропейской литературы.

Научные заслуги Франца Петровича, имя которого долгие десятилетия нигде не упоминалось, сегодня уже во многом известны, в первую очередь благодаря авторам книг о нём – В. К. Эккерт, В. Д. Шмунку и В. Ф. Дизендорфу. В этом перечне имён следует также упомянуть автора ряда глубоких исследований и книг в области церковно-канонического и исторического характера, епископа Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) Григория, в миру – графа Ю. П. Грабе (1902 – 1995).

Все они, исключая, естественно, В. Ф. Миллера, скончавшегося в 1913 году, в советское время подвергались жестоким преследованиям, ссылке, тюремным заключениям, то есть их жизнь мало чем отличалась от жизни рядовых российских немцев.

В начале тридцатых годов прошлого века, в преддверии I съезда советских писателей, была предпринята попытка консолидации литераторов российских немцев, живших в различных регионах СССР. В декабре 1933 года в Харькове состоялась конференция немецких писателей Украины, в феврале следующего года – в Энгельсе конференция немецких писателей Поволжья, а в марте 1934 года в Москве прошла первая Всесоюзная конференция советских немецких писателей, активное участие в которой приняли и писатели-эмигранты из Германии и Австрии.

Четыре писателя российских немцев – Франц Бах, Герхард Завацкий, Андреас Хакс и Готлиб Фихтнер – стали делегатами I съезда советских писателей, который состоялся в Москве в 1934 году.

Как отмечает ряд исследователей, в том числе живущий в Москве Гуго Вормсбехер, в 20-е годы начала проявляться существенная особенность литературы российских немцев: она развивалась, впитывая в себя опыт и достижения немецкой классической литературы, русской классики и многонациональной советской литературы. И в этом была её уникальность, не имевшая аналогов не только в СССР, но и во всём мире. Ведь писатели, помимо родного диалекта, немецкого литературного языка и русского нередко владели ещё каким-либо языком народов СССР. И можно только предполагать, какого расцвета на такой мощной интеллектуальной базе могла бы достичь литература российских немцев уже к пятидесятым-шестидесятым годам XX столетия. Однако этого не случилось.

Во второй половине 30-х годов были репрессированы и уничтожены все немецкие писатели, жившие на Украине, и большинство, причём наиболее талантливые, жившие на Волге [2].

Мощный удар по литературе российских немцев был нанесён и тем, что на Украине, где тогда проживало большинство нашего народа, были закрыты не только все немецкие школы, репрессированы учителя, прекращено преподавание на немецком языке, но и ликвидированы все немецкоязычные газеты, журналы, издательства. То же самое произошло в немецких национальных районах в Азербайджане, Грузии, Крыму, Сибири. Национальные школы и печатные органы сохранились лишь в АССР НП, но только до 1941 года.

После тюрем, лагерей, ссылки выжили единицы, но они были сломлены, как физически, так и духовно. И потом, о возрождении какой литературы российских немцев можно было вести речь в 50-е, 60-е да и 70-е годы, когда даже наш родной язык был под запретом? Разве что совершенно беспредметной и, уж простите, бесполой, с непременными элементами самобичевания и покаяния за преступления, которых не совершали.

«Никто не забыт и ничто не забыто» – начертано на памятниках и обелисках Второй мировой. Неправда. Забыто, и многое. Даже кому принадлежат эти великие слова – забыто. А принадлежат они «музе блокадного Ленинграда» русской поэтессе по призванию и российской немке по рождению Ольге Берггольц. Все 900 дней блокады она провела в осаждённом городе. От истощения была на грани смерти, похоронила мужа, но именно её голос, регулярно звучавший по радио, вселял в ленинградцев так нужные им тогда уверенность и надежду.

Умерла Ольга Берггольц 13 ноября 1975 года в Ленинграде. Похоронена на Литераторских мостках. Вопреки прижизненной просьбе похоронить на Пискаревском мемориальном кладбище, где в граните высечены её слова «Никто не забыт и ничто не забыто», тогдашние власти Ленинграда отказали писательнице. Как утверждают, из-за национальности. Тем более что по отчеству Берггольц никакая не Фёдоровна, как сегодня пишут в России, а Фридриховна. А с такой фамилией-отчеством да на Пискаревском...

...1 мая 1957 года в Москве, в издательстве «Правда», вышел первый номер, как значилось в титуле, «центральной газеты для немецкого населения СССР» с оптимистичным названием «Нойес лебен» («Новая жизнь»). Возглавили её бывшие сотрудники советской оккупационной газеты в Германии: русские, евреи.

А вот немцев в новой газете не было. Ни одного. Позже, спустя годы, они появились, но главным редактором немца за весь советский период так и не назначили.

О том, какой была эта газета в годы хрущёвской оттепели, оставил воспоминания Владимир Войнович: «...я покинул радио и прибил к „Нойес лебен“, газете для советских немцев. Писал для них какие-то очерки о детских садах, вёл рубрику „Знаете ли вы, что...“. Писал я, разумеется, по-русски, меня переводили две сотрудницы газеты Татьяна Бангерская и Вероника Хорват, с которыми я дружил. В штате этой газеты, насколько я понял, состояло несколько по каким-то причинам отозванных из-за границы наших шпионов, другие, по моим предположениям, проходили предшпионскую практику, а ещё были люди совсем с неординарным жизненным опытом. Например, один, по имени Лёша, раньше служил надзирателем в тюрьме для пленных немецких генералов, среди которых был и знаменитый генерал-фельдмаршал фон Паулюс. Не отрешившись от связанных с его прежней службой привычек, он подвергал сотрудников редакции тюремному заключению. Почти все сотрудники, отперев утром свои кабинеты, оставляли ключи в замочных скважинах. Днём, проходя по коридору, Лёша машинально эти ключи поворачивал, после чего запертым, добиваясь свободы, приходилось изо всех сил колотить в двери» [3].

Тем не менее «Нойес лебен», как и выходившая в 1966 года в Целинограде газета «Фройндшафт», с 1957 года в Славгороде «Роте фане», созданная в 1967 году в издательстве

«Казахстан» немецкая редакция, альманах литературы и публицистики «Хайматлихе вайтен», первый номер которого вышел 1981 году, немало сделали для возрождения литературы российских немцев. Это было непросто. Ведь три газеты, альманах, выходящий два раза в год, и маломощное подразделение в казахском издательстве должны были удовлетворить информационный голод двух миллионов немцев СССР. А ещё выкроить на своих страницах место для прозы, поэзии, критики. Но как-то справлялись. Причём российские немцы – и литераторы, и читатели – в совершенстве овладели эзоповым языком. Напомню: в публицистике, прозе, поэзии, как и в газетных статьях и репортажах, категорически запрещалось упоминать существовавшие некогда немецкие колонии, вспоминать о депортации, трудармии... К примеру, даже перевод очень популярной песни Льва Ошанина на музыку Михаила Фрадкина «Течёт река Волга» был опубликован в «Нойес лебен» только после долгих согласований в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС. Почему? А потому что в ней пелось о Волге, и немцы Поволжья могли-де неправильно истолковать некоторые её слова.

В советское время, впрочем, как и в нынешнее демократическое, в России среди кремлёвского чиновного люда было и остаётся немало «шутников». Например, единственный напрямую связанный с литературой альманах российских немцев был назван «Хайматлихе вайтен», то есть «Родные просторы». Гуго Вормсбехер, возглавлявший его с момента создания и до закрытия в 1990 году, вспоминает: «Я был категорически против этого названия. Ведь оно буквально кричало о тупом произволе: дать людям, изгнанным с родных мест за сорок лет до этого и распылённым по необъятной стране, журнал с таким названием! Это не могло восприниматься иначе чем циничная насмешка» [4].

Эх, если бы только этим ограничились все трудности и проблемы наших литераторов. Одной из главных, пожалуй, было то, что российско-немецкий народ был лишён полноценной жизни. Соответственно отсутствовала и полнокровная литература: на скудной, усеянной камнями почве, как известно, фруктовые деревья не растут. Следующая проблема – наши писатели были вынуждены писать исключительно «в стол», без малейшей надежды не только издать свой роман, поэму, повесть на родном языке, но и донести их до читателей. А теперь скажите: много ли вы знаете литераторов других национальностей, которые, получив статус «тунеядца», будут продолжать творить для неведомых потомков? Причём без малейшей надежды на помощь и поддержку западной общественности, прессы, благотворительных фондов и правозащитных организаций. Наконец, в отличие от других народов СССР, российские немцы были лишены возможности получить литературное образование не то что на родном, но даже на языках так называемых титульных наций.

Но невзирая на пресс цензуры и недремлющее око «товарищей по перу», в тот тяжкий период были написаны на немецком языке, а частью даже опубликованы произведения Доминика Гольмана, Эрнста Кончака, Герберта Генке, Иоганна Варкентина, Александра Геннинга, Виктора Гейнца, Нелли Ваккер, Норы Пфефер, Розы Пфлюг, Виктора Кляйна, Вольдемара Гердта, Вольдемара Шпаара, Петера Классена.

На русском и немецком языках в периодической печати появились очерки, рассказы и повести Гуго Вормсбехера, Венделина Мангольда, Константина Эрлиха, Виктора Шнитке, Йозефа Каппа, а произведения Герольда Бельгера к тому же и на казахском языке, которым он овладел в ссылке. Чуть позже зазвучали имена Райнгольда Лейса, Роберта Вебера, Фридриха Сиптица, Олега Клинка, Евгения Витковского, Александра Бека, Александра Шмидта, Анатолия Штайгера, Ирены Лангеман...

Нельзя представить нашу литературу, как считает Гуго Вормсбехер, и к мнению которого присоединяюсь я, без тех, кто не был российским немцем по крови, но являлся им по духу. Это Зепп Эстеррайхер (Борис Брайнин), Рудольф Жакмьен, Лия Франк, Йозеф Уканис, Освальд Пладерс, Айво Кайдя.

В отдельную группу я бы выделил российских немцев, стержневой темой произведений которых была и остаётся вера в Бога, описание жизни близких им людей и того, как глубокая вера помогает преодолевать трудности. Их в Советском Союзе по сфабрикованным обвинениям сажали в тюрьмы, ссылали, лишали работы, а родственников подвергали психологическому террору. Но что примечательно: притесняли этих литераторов не только за веру, но и по национальному признаку. Вот имена некоторых из мне известных: Георгий Винс, Маргарита Пазич, Иван Плетт, Эдуард Эверт, Анна и Андрей Фот, Давид Классен, Яков Эзау, Иоганн Штефен, Даниель Зименс, Иоганн Шнайдер, Герта Нойфельд, Абрам Гамм, Иоганн Эпп, Герман Гартфельд, Ханс Дерксен, Яков Дик. Свои произведения, что примечательно, они создавали на двух родных для них языках: немецком и русском.

А как не назвать имён публицистов Герхарда Вольтера, Роберта Корна, историка-демографа Виктора Дизендорфа, исследователя народной музыки российских немцев Иоганна Виндгольца, историка Альфреда Айсфельда? Не упомянуть литературоведов Бориса Петерса, Александра Обгольца и Эдмунда Матера, которые сделали и, к счастью, продолжают многое делать, чтобы «вызволить из забвения памяти» имена и произведения, написанные российскими немцами. Кстати, именно от Э. Матера впервые я узнал о «классификации российских немцев в довоенном Советском Союзе». Так, немцы, живущие на Украине, почему-то относились к категории «германских немцев», а вот живущие в Поволжье – «советских». Отсюда и раскулачивание, и ликвидация национальных районов, школ, институтов, газет, издательств началась на Украине на десять лет раньше, чем в Поволжье. Соответственно, и к «обезвреживанию» интеллектуалов, прежде всего писателей и журналистов, там приступили тоже раньше.

К 1956 году практически все они сгинули в тюрьмах и ссылке, а любые воспоминания о них, сохранившиеся в архивах и библиотеках, постарались превратить в пыль.

...Добрая половина названных мною литераторов писали и пишут в основном по-русски. Почему так произошло, объяснять, надеюсь, не стоит, тем более стыдиться этого. Ведь недаром знаменитый французский шансонье и одновременно великий патриот Армении Шарль Азнавур однажды сказал: «Армянин – это не тот, кто говорит по-армянски, а тот, кто помогает Армении».

Не важно, на каком языке звучит правда, важно, что она звучит и продолжает звучать. Прежде всего, я имею в виду, конечно же, мемуарную литературу жертв репрессий и массовой депортации. Это произведения Эдуарда Бернгардта, Вячеслава Майера (псевд. Некрас Рыжий), Эдуарда Беккера, Франца Гардера, Роберта Лейнонена, Иосифа Шлейхера, Вячеслава Шпрингера, Курта Вильгельма, Андреаса Обердорфера, Александра Дитца, Курта Гейна. А также Владимира Аумана, Георга Гааба, Лео Германа, Лоры Рихтер, Антонины Шнайдер-Стремяковой, Валентины Раймер, Вили Мунтаниола, Йоганна Кайба, Эдмунда Шюле...

«Прозой жизни» назвал её историк, сотрудник Гейдельбергского университета д-р Виктор Кригер. Но в этой «прозе» огромный пласт десятилетиями предаваемой забвению, практически неизученной «повседневной жизни» российских немцев в условиях тотального террора, трудармии, запретов на профессию, образование, родной язык, религию и даже песни.

За последние двадцать лет (начиная с конца 80-х прошлого века) только в Германии опубликовано порядка 120 (!) книг мемуаров людей, прошедших ГУЛаг, спецкомендатуру, поработавших в арестантской робе за колючкой «ударныхстроек коммунизма»: заводах, шахтах и рудниках Сибири, Казахстана, Урала, Дальнего Востока, Центральной Азии... Около 80 книг воспоминаний вышло в российских издательствах. В подавляющем большинстве все они изданы незначительными тиражами и за счёт авторов. Но примечательно вовсе не это, а то, что большая германская пресса, телевидение, радио, так живо откликаю-

щиеся на даже малую человеческую боль и судьбу какого-нибудь богом забытого племени, обитающего где-нибудь в Африке, или обнаружение ещё одного малозначительного факта из «бесконечной череды преступлений» несостоявшегося «третьего рейха», этого не замечает. Упорно замалчивает эту литературу и российская критика, пресса, телевидение.

Конечно, большинство воспоминаний российских немцев написаны простым, «бесхитростным» слогом, но ведь содержат они воистину уникальные свидетельства, документы, наблюдения. Хотя, может быть, именно это как раз и отпугивает современных толкователей нашей недавней истории, так как напрочь разрушает упорно эксплуатируемые ими неолиберальные концепции «добра и зла»?

Впрочем, не будем отчаиваться, впадая в уныние, тем более не будем считать мемуарику бессмысленным занятием, а обнадёжим себя мыслью, что пресса и критики рано или поздно (лучше, конечно, рано) обратят на неё внимание.

Для чего? В том числе и для того, чтобы сместить вектор существующего в ФРГ общественного мнения в отношении российских немцев, их истории, нынешней жизни, восприятия России, с оставшимися там могилами предков и друзьями, и Германии, которую они упорно считают новой-старой Родиной. Даже в том случае, если пишут они, а порой и думают, исключительно по-русски. Литература российских немцев всегда находилась под сильным влиянием русской и немецкой литературы, но так ими (к счастью!) и не ассимилирована, сохранив самобытность и своеобразие. Но именно благодаря этому влиянию в нашем сравнительно небольшом народе, который последние сто лет «постоянно в пути», на рубеже XX и XXI столетий появился ряд ярких, самобытных авторов: Виктор Штрек, Игорь Гергенрёдер, Александр Резер, Владимир Эйснер, Генрих Дауб, Сергей Герман, Геннадий Дик, Анатолий Резнер, Райнгольд Шульц, Мария Шефнер, Светлана Фельде, Елена Зейферт, Надежда Рунде, Николай Дик, Роберт Кесслер, Эдуард Альбрандт...

В ноябре 2007 г. в Москве прошёл первый международный Конгресс писателей русского зарубежья. На его пленарных заседаниях зашла речь о том, кем является литератор, живущий, допустим, во Франции или Германии, пишущий по-русски, но не русский по национальности? Мнения разделились, но все без исключения 12 российских немцев, принявших участие в конгрессе, единодушно сошлись во мнении, что остальные могут считать себя кем угодно, а вот они исключительно российские немцы. И это при том, что особой дружбы и мира между ними не наблюдалось, что придерживались они порой диаметрально противоположных политических взглядов, по-разному оценивали пути развития литературы, трактовали историю, и вообще в отношениях друг с другом были весьма ершисты.

В ходе упомянутой дискуссии, вспоминаю, прозвучал вопрос: «Но, если вы не считаете себя русскими писателями, значит вы – немецкие писатели?», на что живущий в Берлине писатель Александр Резер ответил: «Нет, мы – российско-немецкие писатели». И, выдержав паузу, добавил: «Как ни парадоксально это звучит».

Хотя что здесь «парадоксального»? Ведь если есть народ, то у него должна быть и литература.

Но вот общепризнанной, то есть интернациональной, она может стать только в случае, если является истинно национальной. Примеров тому масса. Вспомним того же Пушкина, Достоевского, Гёте, Шиллера, Шекспира, Чехова, Шалом Алейхема, Льва Толстого, Диккенса, Дюма, Мопассана, Шукшина. Все они очень национальны, и именно поэтому их произведениям неведомы ни границы, ни языковые барьеры.

Сегодня, после долгих заморозков, литература российских немцев постепенно оживает. Но на каком языке будет написан (или уже написан?) роман, повесть, поэма, что «вселенски прославит» автора и его народ, утверждать не берусь. На немецком языке, на русском? И здесь мы коснулись весьма щекотливой темы. А именно: можно ли считать

национальным писателем автора, не пишущего на языке народа, к которому он принадлежит?

«Нет!» – категорично говорят одни. И тем самым подтверждают слова классика русской литературы Сергея Михалкова, считавшего, что «писатель любой национальности, пишущий по-русски, является представителем русской литературы». «Пастернак, – продолжал Сергей Владимирович, – русский поэт, Маршак – русский поэт, Барто, Кассиль – русские детские писатели» [5].

«Хорошо, но как в таком случае быть с классиком киргизской литературы Чингизом Айтматовым, казахской – Олжасом Сулейменовым, абхазской – Фазилом Искандером, осетинской – Костой Хетагуровым? – возражают другие. – Они тоже ведь писали по-русски, но оставались патриотами своих народов, воспевающими свой народ?»

Точно так же, – это я уже цитирую литературного критика Льва Аннинского, – как изначально пишущий по-русски Анатолий Ким продолжал чувствовать себя корейцем, Василь Быков – белорусом, Тимур Пулатов – узбеком, Олег Клинг – немцем, Юрий Карабчиевский – евреем, а Ион Друце – молдаванином. Русский язык, на котором они писали, не противоречил их национальному самосознанию и самовыражению. А к кому отнести великих шотландцев Вальтера Скотта, Артура Конан Дойля, Роберта Стивенсона, писавших по-английски? А украинец по национальности Николай Гоголь, писавший по-русски и одновременно считающийся классиком украинской и русской литературы? А патриот и герой Армении Шарль Азнавур, который пишет и поёт по-французски? Он классик какого шансона: армянского или французского? Или взять популярного в СССР и России писателя Рауля Мир-Хайдарова, который, по его собственным словам «родился, живёт и умрёт – татарин», но вот пишет исключительно на русском языке.

И, наконец, целая плеяда еврейских литераторов, писавших и пишущих не на идиш или иврите, а на английском, русском, немецком, французском, других языках. Например, Дж. Сэлинджер, Алан Силлитоу, Сол Беллоу, Айзек Азимов – признанные классики американской литературы, но их стиль и атмосфера их книг, как подметил председатель Федерации писательских союзов Израиля Эфраим Барух, – «еврейские, хотя и с американским оттенком» [6]. То же самое, можно сказать и о творчестве, писавших по-немецки Стефана Цвейга, Франца Кафки, Франца Верфеля, Нелли Закс и даже Генриха Гейне, который, как указывает «Электронная еврейская энциклопедия», «несмотря на оппортунистический переход в христианство в глубине души всегда оставался евреем» [7]. Скорее к еврейским, нежели русским писателям я бы отнёс Самуила Маршака (автора «Сионид»), Михаила Светлова (автора «Старого ребё»), Иосифа Уткина и Эдуарда Багрицкого (авторов «Повести о рыжем Мотле», «Происхождения» и «Думы про Опанаса»), Исаака Бабеля (автора «Одесских рассказов»), Фридриха Горенштейна (автора «Бердичева: Избранное»). Впрочем, как и Бориса Слуцкого, Анатолия Рыбакова, Давида Самойлова, Анатолия Алексина, Василия Аксёнова, Дину Рубину, Михаила Шатрова, братьев Вайнеров и братьев Стругацких, Даниила Гранина...

Однажды писатель Андрей Битов сказал: «Я, прожив всю жизнь без сомнения, что я русский человек, с примесью немецких кровей, могу за собой заподозрить кого угодно – татар, монголов, евреев, кыпчаков...» [8]. Но «заподозрить» – это одно, а вот «считать себя» и «быть» – совершенно иное. Тем более что национальный вопрос весьма коварен, а сами нации, как считает известный современный философ, писатель и драматург Дмитрий Галковский возникли совсем недавно – в XVIII – XIX веках. «А до этого никаких наций не было, люди себя не позиционировали представителями какой-либо нации. То есть были языки и народы, но, чтобы человек сел и решил – «я испанец», этого не было. Это возникло достаточно поздно и возникло сверху. Государству нужно было унифицировать своих подданных, тогда возник национализм, националистический романтизм. Это где-то конец XVIII – начало

XIX века [9]» И далее: «Существует мистика языка, кажется, что он очень связан с национальностью. Это не совсем так, потому что есть разные народы, которые говорят на одном и том же языке. И есть один и тот же народ, который говорит на разных языках. Что есть, например, в Югославии [10]». Схожей точки зрения придерживается известный российский историк и писатель д-р Андрей Буровский: «...возникновение фактически новых народов было частью потока непрерывных перемен и изменений, которые так типичны для конца XIX – начала XX веков. И доказательством того, что национальность – это не мистическое и расовое явление, а такое гражданское состояние» [11].

И, наконец, третья точка зрения. В письме, адресованном мне, её сформулировал писатель и публицист д-р Роберт Корн: «В настоящее время подавляющее большинство российских немцев оказалось на своей исторической родине. Здесь они сольются с материнским этносом. Одновременно прекратит своё дальнейшее развитие наша литература. Но как срубленное дерево даёт новые побеги, литература российских немцев, влившись в немецкую литературу, завершит выполнение своей исторической миссии».

Всё может быть. Но куда важнее, на мой взгляд, чтобы роман, повесть, пьеса были написаны. Чтобы правдиво отображали жизнь нашего народа и были талантливы. А уж на каком языке – дело второе.

Вот, пожалуй, и всё, если кратко, что я хотел сказать о литературе российских немцев.

Я не ставил целью тщательного её анализа с разделением на «литературу городских немцев», «литературу немцев-колонистов», проживавших преимущественно на Украине, и «литературу немцев Поволжья». Не стремился «выстроить писателей по ранжиру», считая себя не вправе это делать. Я просто поделился своими соображениями, и если кого-то из литераторов не упомянул, то прошу меня простить. Ну а в заключение несколько слов о «странном» и «загадочном».

Собственно, поводом к написанию этого очерка для меня явилась энциклопедия «Немцы России» – «самого полного, обстоятельного и подробного труда по истории народа, из когда-либо публиковавшихся на русском языке» [12].

Итак, захотелось мне почитать что-либо серьёзное и фундаментальное о писателях и литературе российских немцев. Достаяю с полки второй том, открываю на букве «Л» и вижу сноску: «Литература, см. Художественная литература».

Раскрываю третий том на букве «Х», а там – ничего, в смысле о литературе – ни слова.

Понудившись, навожу справки и выясняю, что вообще-то разыскиваемая мною статья была подготовлена одним уважаемым профессором, но редакционная коллегия её зарубила – не понравилась. Конечно, можно было заказать другому автору, но не то забыли, не то опоздали, не то профессора, которого отвергли, обижать не захотели.

Несомненно, грустно, но, с другой стороны, для работающего в жанре юмористической прозы Александра Резера этот факт – просто подарок судьбы. Оттянуться, как говорится, можно по полной программе. Тем более что есть на ком и за что.

Мюнхен

2011 г.

[1] Международный биографический центр.

http://www.biograph.ru/bank/evtushenko_ea.htm

[2] Вормсбехер Г. Шаг влево, шаг вправо...

<http://wolgadeutsche.net/wormsbecher/schritt.htm>

[3] Войнович В. Автопортрет. Роман моей жизни. М.: ЭКСМО, 2010 г. Стр. 337.

[4] Вормсбехер Г. Шаг влево, шаг вправо...

<http://wolgadeutsche.net/wormsbecher/schritt.htm>

[5] <http://svarkhipov.narod.ru/vip/ramo.htm>

- [6] <http://viknaodessa.od.ua/newspaper/news/?3652>
- [7] <http://www.eleven.co.il/article/12949>
- [8] Андрей Битов: XXI век уже наступил. «Литературная газета», №51, 1996 г.
- [9] Галковский Д. Два идиота. М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2009 г. Стр. 232.
- [10] Там же. Стр. 233.
- [11] Буровский А. Правда о «еврейском расизме». М.: «ЯУЗА-ПРЕСС», 2010 г. Стр. 223.
- [12] Немцы России. Энциклопедия. М., Издано Общественной Академией наук российских немцев, 1999 г., Т. 1. 822 с.; 2004 г., Т. 2. 747 с.; 2007 г. Т. 3. 893 с.

Андрей Бикетов. «Непрочитанным провинциалам»

Я иногда долго размышляю над тем вопросом, что за свойство такое – притяжение к окунанию пера в череду твоих невысказанных сомнений, и интересующих подробностей происшедших или только свершающихся событий. Есть ли это результат самого обыкновенного человеческого тщеславия, либо есть в мыслях, записанных их автором в удобную для визуального ознакомления форму отражение формы более высокой и мотивированной сущности. Ничего сложного – перемещай пальцы по клавиатуре в определённой последовательности, получится что ни будь стоящее, хорошо, не получится – да и пропади оно пропадом! Многим удобоварима пища попроще – детективчики в эксклюзивной обложке с заволаживающими названиями, фэнтези Толкиеновского разлива третьей свежести. (Как осетрина у одного известного героя «Мастера и Маргариты»). Проглатывая содержимое написанного, мало кто делает дальнейшие выводы из усвоенного: а что дальше? Для чего? Какова мораль из «кухонной» прозы и поэзии? У меня есть один знакомый, так он в развороты уважаемого литературного издания котлеты заворачивает.

– А чего, – обращается он ко мне. – Добру зазря пропадать? Так я двух зайцев сразу убиваю: и к творчеству тяготею, и котлетки в целостности и сохранности употребляю.

Жителям провинции далеко до бурной литературной жизни столиц: начнёшь тянуться, спину ненароком прихватишь. Может, таковое географическое свойство их и спасает. А спасать есть от чего: всё хамство, вся спесь, высокомерие, «перемывание аристократических костей» заслуженных литераторов – всё родом именно оттуда. Уж простите меня, уважаемые публицисты и эссеисты Москвы и Петербурга, но меня правда всегда спасает: сам иногда сталкивался, знаю, о чём речь веду. Меня часто подобные «светские отповеди» забавляют и бросают в жар, я порою не понимаю, плакать мне или хохотать над таким безмерным проявлением собственных амбиций. Относитесь к жизни проще, господа! У вас есть право выбора и самоопределения профессии – у нас порой нет ни того, ни другого! Картина неизвестного художника: вылезает рабочий из траншеи, скидывает сапоги, сдает в склад лопату и отправляется писать статью для какого–нибудь журнала. Он счастлив: ведь впереди целая ночь замечательных открытий, и у него есть отдушина, есть куда заявить просто о том факте, что он есть, что он существует как самостоятельная пишущая единица. А ведь многим провинциалам таких привилегий судьба не подкинула. И на журналистский факультет поступить вряд ли удастся: попроще бы, попримежней – из глаз вон! Картофель в огороде исключительный произрастает – возьми на заметку! Забор на улицу покосился – подправить бы надобно! И ты идёшь, и занимаешься и тем, и другим, а ещё семья, а ещё покос за посёлком, корове хвост прикрутить бантиком, а потом с бидоном к стаду смотаться – вовремя изволь появиться! Но ведь селянин селянину рознь. Один о карасях в пруду заботится, а другой – о материях более высоких: почему в стихах Таврова возможен откат к библейским традициям? Отчего в двадцать первом веке возник спад постреалистического направления?

Какая—то сила влечёт последнего к письму: им руководит жажда реализовать нереализованное, приблизиться к разгадке затронувших его клочков реальности: а ну как собрать их в одну киноленту – вдруг получится? Сочиняешь стихи – давай укладывай в рифму или верлибр, драматургией загорелся – набросай—ка пьесу, роман – роман, повесть – так обязательно новеллу, очерк – облакай в новую форму. Сколько рукописей дожидается своего часа в столах, сколько стorerело, выброшено на ветер, погребено в земле. Достойное применение творческому труду, вы не находите?

Пока автор молод, не обстрелян, наивен – он окрылён, у него возникает чувство, что он способен завоевать планету, вторгнуться в ареал обитания священных особ рода литера-

турного. Затем наступают первые поражения, первые переломы, которые либо закаляют его характер, либо делают из него закоренелого циника.

Впрочем, те, кто решили достичь Олимпа, продолжают стучать в наглухо закрытую дверь. Пусть не открывают, пусть главный редактор бракует материал и бросает его в мусорную корзину. Главное – продолжать сотрясать воздух. Авось и заметят, если в атмосфере, окружающей сих небожителей, возникнет весьма специфического свойства аромат. Пиши, деревенщина, пиши, фантазёр высокого порядка. Не за деньги, а для души. Тебе ещё кажется, что возможно преодолеть поставленную сызмальства высотную планку, поучаствовать на форуме в Липках, выступить для широкой аудитории, получить заветную корочку члена Союза? Брось грезить наяву! Такой большой, а в сказки веришь!

Хотя лишь вера провинциального автора и спасает. Не будь её, он бы уже непременно спился, стал обыкновенным быдлом, втоптал в грязь авторскую начинку свою и наполнил её мышлением закоренелого жителя глубочайшей русской глубинки.

– К чёрту литературу, к двум чертям заслуженного этого... как его... лауреата каких —то там премий и конкурсов типа Золотое поэтическое копыто. Учит он сюжетную линию правильно развивать, размер соблюдать, слог. Да наплевать! Образец классического горохового шута, дуб стоеросовый!

После очередного своего провала непрочитанный провинциал должен сказать подобным образом. Но он вместо того показывает лауреату кукиш, придумывает новую завязку, новую основу произведения, новый сюжетный ход и приступает к его воплощению. Зарезали, освистали, сняли с программки и постеры посрывали? Ничего страшного, завтра отыграемся, наверстаем сполна.

В счастливом прозябании захолустного провинциала есть весьма уязвимое место, Ахиллесова пята – нельзя жить вечной надеждой, всё замечательное, когда ни будь заканчивается. Что уж поделаешь, если ты не хватал звёзд с неба и не являешься участником того процесса, того взаимного столкновения интересов, стилей, жанров, который называется формированием современной литературы. Ты там – на задворках, в массовой, в пятом ряду. Улыбнись, помаши рукой. Издалека. И хватит, и того достаточно.

Вон их сколько: неопубликованных и непрочитанных. Таланты из талантов, замечательные самородки, те, у кого масса способностей, но которые не знают, куда и каким образом их приложить. Я не из их числа, я пишу о них только потому, что они мне гораздо ближе, чем страдающая от безделья богемная публика. Есть отличные поэты в Рязани и Твери, которые даже не догадываются, что они поэты; есть писатели из Ростова и Краснодара, которых выбила из состояния устойчивого равновесия издательская политика, хитрая и изворотливая. Множество, великое множество провинциалов.

Да, их изыскания и творческие находки на хрен никому не нужны, но ведь это далеко не главное. Всем нам есть чему у них поучиться. Упорству в достижении результата, умению высоко держать голову при любых обстоятельствах и неиссякаемому задору. Точка зрения жителя периферии – это вызов, брошенный в пустоту, в такое пространство, что поглощает свежие идеи и совершенно ничего не даёт взамен. А расстараться для его покорения ох как надо. Здесь мало просто засучить рукава и обрушиться на имеющую нужные рычаги управления личность. Стену необходимо лбом расшибать, считать, что там, за той преградой, которую ты ощупываешь и обстукиваешь со всех сторон, есть живые, мыслящие люди.

Поняв данную истину, провинциальный автор берётся за новую, свёрстанную с листа рукопись, затем, когда края сочинительства разбегаются в разные стороны и сие творение, заслуживающее неопременного внимания Нобелевского комитета, трещит по швам и рассыпается, он неспешно закуривает. Дым вовсе не стремится кверху, нет, он стелется понизу противным душным облаком. Сделав очередную затяжку, провинциал возвращается к исходному девизу: к чёрту писательскую судьбу, к чёрту литературу!

Андрей Балабуха. «Отстраненная причастность или Маленький театр Павла Алексеева»

*Весь мир – театр.
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.*
Уильям Шекспир. «Как вам это понравится»

Странное дело! «Непричастные» – так по названию открывающей ее повести озаглавлена эта книга. Однако, перевернув последнюю страницу рукописи, я ощутил острую причастность. И авторскую, и свою. Вот только – к чему? Ощущение-то есть, зато разобраться в его сути... И все-таки попробую – шаг за шагом; так сказать, по буквам.

Прежде всего, пожалуй, к литературе. И это далеко не столь самоочевидно, как может показаться на первый взгляд, ибо очень многие книги – особенно из числа увидевших свет в последнее время – к литературе ни малейшего отношения не имеют. Чего не скажешь про только что вами, милые дамы и милостивые господа, прочитанное: творения Алексеева к изящной словесности принадлежат, несомненно. Однако ведь и внутри оной существуют свои области... Так в какую же из них нам пришлось заглянуть?

А вот с этим намного сложнее.

Рэй Брэдбери однажды заметил, что стоит как следует поскрести любого фантаста, – и взгляду явится моралист, в чьем сочинении без труда прочитываются аллегория или притча. Подобно любой максиме, утверждение это невсеобъемлюще, но справедливо. Однако применимо ли оно к Алексееву? С одной стороны, атрибуты фантастики налицо: тут вам и космические корабли, и всяческие иные измерения, и альтернативности судьбы – хоть отдельно взятой людской, хоть цивилизационной, хоть всего человечества... А с другой – ну какая же это к ляду фантастика? Так, театральная маска, под которой самая что ни есть реалистика. Пусть даже весьма и весьма странная.

Стоп! Вот оно, слово – выходит, недаром я с него подсознательно начал. И (спасибо предложившему этот термин еще в год начала Первой мировой войны славному литературоведу Виктору Борисовичу Шкловскому!) становится понятно: мы имеем дело с отстранённой прозой. Так он назвал эффект нарушения автоматизма восприятия за счет нового, «странного» взгляда на знакомые явления с целью «дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание». Причем, сдается мне, в слове «видение» тут справедливы оба ударения.

Но не в ярлыках и терминах дело, а в главном – странности, едва ли не ключевом понятии нашего времени. Как не вспомнить тут и блоковский мир, который «предстанет странным, / Закутанным в цветной туман», и – совсем уж из иной епархии – повествующую о проблемах ядерной физики «Неизбежность странного мира» Даниила Данина... Физики, замечу, а не лирики, ввели понятие «странных частиц», которые являются носителями нового квантового числа, названного странностью... Вот и выходит, что в значимости понятия изящные искусства и точные науки сошлись. И не потому ли, что человек способен постигать мир лишь до тех пор, пока сохраняет способность удивляться его странности? Лиши мироздание этого качества – и неизбежно оно окажется постижимым и в постижимости своей скучным...

Отстранение это достигается при помощи целого набора приемов или типов образности. Тут (в полном соответствии с утверждением Брэдбери) и аллегория, основой которой является иносказание – запечатление отвлеченной идеи в зримые картины или умо-зрительные понятия. И тяготеющая к символу парабола – тоже иносказание, но, в отличие

от аллегории, многозначное, допускающее разные толкования. И притча – правда, современная, литературная, лишенная лобовой дидактичности фольклорной. И гипербола – преувеличение, магическая лупа, позволяющая выделить часть общей картины таким образом, что часть, вопреки формальной логике, становится иногда даже больше целого. И гротеск – причудливое сочетание фантастического и реального, прекрасного и безобразного, трагического и комического, малого и великого, правдоподобия и карикатуры. Перечень, разумеется, неполон, однако из него уже ясно: мы с вами – вослед автору – оказываемся причастными к целому арсеналу приемов художественной литературы.

Но бог с ней, с литературой – читатель никоим образом не обязан разбираться во всех ее премудростях, как даже самый истый гурман вправе не знать тонкостей поварского искусства на уровне мастера *cordon bleu*¹. Лучше поговорим о жизни. Уж к ней-то мы все а priori причастны.

Последнее, впрочем, вовсе не означает, будто эту самую жизнь надлежит принимать в любых проявлениях. «Если тебе дали линованную бумагу, пиши поперек!» – призывал испанский поэт, нобелевский лауреат 1956 года Хуан Рамон Хименес. «В конечном счете, лучшую фантастику создают те, кто чем-то недоволен в нашем мире и выражает свое недовольство немедленно и яростно», – вторил ему уже упоминавшийся Брэдбери. Не знаю, являются ли бунт и протест свойствами, имманентно присущими всякому писателю. Прямо скажем, не уверен – видится мне в этом, грешным делом, некая интеллигентская ущербность, плохо компенсируемая бездумным фрондерством. Но и безоговорочное всеприятие – не лучше; даже хуже. И получается, что единственно продуктивный взгляд на мир – со стороны, когда он, мир то бишь, «представляется странным», и в странностях этих необходимо разобраться, чтобы понять, где – добро, а где – зло. (Ну что поделаешь, нормальный писатель и впрямь всегда моралист, даже чуть-чуть проповедник; причем проповедовать он может хоть полное отрицание морали – и такие, как вы помните, бывали и ныне есть; да вот беда – одно другому, не мешает: ведь безбожник, верит в отсутствие Творца не менее истово, нежели верующий в Господа.) Ведь «жизнь учит лишь тех, кто ее изучает», как писал замечательный историк Василий Осипович Ключевский. Но в противном случае мы окажемся на позиции шекспировских ведьм из «Макбета». Помните: «Зло есть добро, добро есть зло»?.. Увы, на столь скользком тезисе далеко не уедешь. Куда продуктивнее призыв Анатоля Франса: «В свидетели и судьи дайте людям иронию и сострадание!» Ему-то Алексею и следует неукоснительно: согласитесь, иронии предостаточно хоть в заглавной повести, хоть в каждом его рассказе, а написать все это мог только человек, бедам людским и скорбям истории глубоко сострадающий, даже если судит их, и судит весьма сурово.

Но при такой степени причастности, скажите на милость, к чему какое бы то ни было отстранение?

А как же иначе? Сейид Идрис Шах, самый значительный из учителей суфизма XX века, потомок Мухаммеда по старшей мужской линии и наследник тайных обрядов, дошедших от его предков-халифов, писал в своем «Волшебном монастыре», что «рыба – наилучший источник знаний о воде». Погруженные в жизнь, можем ли мы судить о ней? Для этого надо вынести жизнь на театральные подмостки – в полном соответствии с шекспировскими словами, предпосланными этому послесловию в качестве эпиграфа. Нам нужно отстраниться от объекта рассмотрения – как сделал это мольеровский портной, снимавший мерку не с человека, но с зеркала, в которое тот смотрится, пусть даже руководствовался при том совсем иными мотивами.

Так незаметно мы с вами подошли к очень важной теме – теме театра. И не только потому, что театр присутствует в «Непричастных», а сам Павел Алексеев был (и в душе, насколько я понимаю, остается) человеком, к театру причастным.

Кто только не писал за последние сто лет о грядущей, наступающей или уже наступившей смерти театра, могильщиками коего называли сперва – кинематограф, потом – телевидение, в последнее время – цифровые технологии... (Впрочем, о смерти литературы толковали не меньше.) Ан жив курилка! При всех экономических и прочих сложностях нашего времени на месте одного прогоревшего театра вырастают три новых – точь-в-точь как на месте отрубленной головы дракона. И вот что еще любопытно: литературу я поставил в один ряд с театром не случайно; при всем желании не могу вспомнить плохого произведения, театру посвященного – хоть «Театральный роман» Михаила Булгакова вспомните, хоть «Черных лебедей» болгарина Павла Вежинова, хоть повести русских американцев – «Улицу Франсуа Вийона» Аркадия Львова и «Что ему Гекуба» Алексея Ковалева... На мой взгляд, «Непричастные» занимают свое – и достойное – место в ряду. Но это так, а propos2.

Главное же – вынеся действие на сцену и наблюдая его из зала (или из-за кулис, что в данном случае то же самое), мы обретаем возможность судить отстраненно, непредвзято, причем совершенно не важно, с какой позиции – зрителя или режиссера; еще вопрос, кто более взыскательный судья.

А там, на подмостках, идет калейдоскопическая смена действий – ведь значительная часть книги представляет собой короткие и очень короткие, вплоть до миниатюр, рассказы (о смерти рассказа тоже, между прочим, говорили до мозолей на языке, утверждая, будто современный читатель воспринимает лишь повествование эпическое, романно-многотомное – так вот же они вам!). Да, рассказы неравноценные (что не всегда есть благо), несхожие (а вот это уже благо всегда), но объединенные авторским отношением. Причем не только к миру, к жизни и к собственноручно и собственноручно сотворенным героям), но и тексту. Ибо их отличает только Алексееву присущее чувство внутреннего ритма фразы, интонации и ракурса. Говоря «только Алексееву присущее», я отнюдь не подразумеваю, будто автор – величайший из всех. Этим я оказал бы ему, прямо скажем, медвежью услугу. Нет. И я даже под угрозой расстрела не смог и не стал бы писать, как он (читать – иное дело, это я готов). Я лишь хочу сказать, что уже с этой – второй – своей книги писатель обрел четко узнаваемый стиль, индивидуальный голос, а уж вы сами судите, насколько он хорош.

Но одно утверждать я берусь. При всей кажущейся мизантропии некоторых рассказов или эпизодов, в целом литературный театр Павла Алексеева – это (да простит мне покойный Булат Шалвович Окуджава!) надежды маленький театрик. Камерный. Для своей публики. И такой, куда хочется заглянуть снова, как несомненно сделает это.

Дмитрий Бестолков. «„Сатанинская вера“ В. В. Маяковского: поэт в оценке Юлия Халфина»

Современное маяковскоеведение накопило большое количество различных оценок творчества поэта, которые не перестают звучать и за его академическими пределами. Яркий тому пример статья Юлия Халфина «Гордые люди. Прощание с кумирами отшумевшей эпохи» [1]. Большинство рассуждений её автора сводятся к попытке доказать, что поэт в своих стихах выступил проповедником особой веры – «антиверы», «сатанинской веры» [1, с.9]. «В рассматриваемом нами аспекте, – подчёркивает Халфин, – исчезает даже разница между ранним, искренним, ярким поэтом и советским „горланом“, который хрипит, рычит, став „на горло собственной песне“. Разница лишь в одном – ранний Маяковский, изгнав с иконы Христа, вставляет туда лик своего лирического героя („гвоздями слов прибит к бумаге я“), а после революции он уступает это место всемогущему Богу – всевидящему Ильичу» [1, с.9]. Автор статьи убеждён: Маяковский и до, и после революции был поэтом-сатанистом, но если до 1917 года его «сатанизм» выражался в ниспровержении догматов православия и откровенном самообожествлении, то после Октябрьской революции «сатанизм» художника приобрёл иные черты: он обернулся верой в победу социализма и политический гений В.И.Ленина.

Ю. Халфин, выстраивая концепцию «Маяковский – поэт-сатанист», решает две задачи. Первая – сводится к поиску доказательств того, что в стихах поэта системно и в большом количестве встречаются мысли, направленные на прямое опровержение библейских истин и христианских заповедей. Вторая – нацелена на обнаружение в произведениях художника «политических симпатий» к социализму, в котором Ю. Халфин усматривает дьявольское начало.

Решая первую задачу «исследования», Ю. Халфин пишет: «Перелистывая страницы собрания сочинений Маяковского, обнаруживаешь, что буквально нет, кажется, ни одной библейской или евангельской заповеди, против которой бы поэт не выдвинул обратного утверждения... Завету «Не убий» поэт противопоставит завет: «Убей!» ... Завету «Прости» – призыв: «Иди, непрощивший! Ты первый вхож в царствие моё...» [1, с.10]. Автор статьи даёт морально-этическую оценку стихам поэта. Такой подход приводит его к ошибочным, ложным выводам: «Маяковский в своей предоктябрьской лирике воспел всемогущего Антихриста, врага Бога, грозящего уничтожить и самого Творца, и сотворённый Им мир» [1, с.5]. И каким образом Халфин пришёл к заключению, что бунт Маяковского против Бога, хотя бы в самой яркой его дореволюционной поэме «Облако в штанах», во имя сатаны? Чтобы доказать абсурдность такого предположения внимательнее вчитаемся в знаменитые строки:

Я думал – ты всеильный божище,
а ты недоучка, крохотный божик.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.

Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски [2]!

Судя по всему, в голосе лирического героя поэмы Халфин и «расслышал» вопли Антихриста. Он не заметил, что этот протест против Бога, это желание уничтожить всевышнего и раскроить сапожным ножом мир, вызвано особым несогласием с его устройством. От поэта ушла любимая женщина, ушла к другому, и вернуть её нет никакой человеческой возможности, значит такова воля Бога. Отсюда и недоумение героя: «отчего ты не выдумал, / чтоб было без мук / целовать, целовать, целовать»?! Отсюда его ненависть к творцу вселенной, его желание перелицевать, перекроить мир сапожным ножом по швам меридиан вплоть до самой Аляски. Этим жестом Маяковский разрывает тысячелетний диалог человечества с Богом. А понятие «антихрист», о чём Ю. Халфин забывает, существует только в системе признания существования всевышнего. Дьявольское и божественное – два полюса одного, единого религиозного сознания. Маяковский не «режет» это пространство, это сознание надвое, оставаясь на стороне сатаны, и стремясь уничтожить другую половину – Бога. Маяковский не мыслит категориями «дьявольского» и «божественного». Всякую истину, обретаемую в жизни, поэт взвешивает на весах с чашами удовольствия и отвращения, отделяя то, от чего ему хорошо, от того, с чем ему плохо. Художником не управляет религиозное сознание, оно лишь задаёт траектории для движения его мысли. Жизнь по православным канонам для писателя – лишь одна из моделей существования человека в мире, лишь один из способов понимания действительности. Бог у Маяковского осмысливается как ось низвергаемого мира. В центре вселенной – человек, и он враг Бога постольку, поскольку является врагом «старого» мира, в котором этот Бог был. Ю. Халфин этого не учитывает даже тогда, когда говорит о всеильном человеке в поэмах Маяковского и называет этого человека «враг Бога». Более того, он противоречит сам себе, когда пишет, что Маяковский, хоть и «крайне раздражённо», но «принимал христианское смирение» [1, с.6]. Христианского смирения у поэта попросту нет, ранний Маяковский весь в борьбе, в вечном бунте, в вечном противостоянии: «И только / боль моя / острей – / стою, / огнём обвит, / на несгорающем костре / немыслимой любви» (т.1, с.272). И даже, когда влюблённый стгорит от силы своего чувства, и на земле по нём, якобы погибшему, затянут: «Со святыми упокой», он, на самом деле бессмертный, устремится в небо – в своё неземное отечество: «Ширь, / бездомного / снова / лоном твоим прими» (т.1, с.272)! Однако вопрос осложняется тем, что сам Ю. Халфин вовсе отказывает Маяковскому в каких-либо чувствах к родине. Поэту, по Халфину, «совершенно чужда блоковская Русь», «чужд есенинский «край любимый». «В его сердце, «выжжена южная жизнь». Его патриотический пафос в советские годы направлен не на живое небо и солнце, а на созданную рабочими руками, выкованную пролетарскую страну, «Красную... из революции горнила» [1, с.6]. Как мы полагаем, и здесь Ю. Халфин глубоко заблуждается. Чувство любви к родине, к России было крайне присуще Владимиру Маяковскому. Ни блоковская («кругом / тонула / Россия / Блока»), ни есенинская Русь ему не нужны, у него своя Россия, пусть и не понимающая его гения, но своя, родная:

Я хочу быть понят моей страной,
а не буду понят —
что ж?!
По родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь (т.12, с.182).

Ю. Халфин не видит и этих очевидных признаний в произведениях классика.

Решая задачу, направленную на выявление в произведениях поэта политических симпатий в адрес социализма, он пишет, что Маяковский в своей творческой судьбе «велению Божию» предпочёл веление партии». Более того, амбиции поэта, по мысли публициста, были «устремлены дальше, чем претензии его любимой партии. Она хотела сделать советским человека, заводы, стиль жизни, даже науки. Маяковскому и этого мало»: «Советское имя, / советское знамя, / советское солнце» [1, с.5—6], – цитирует классика Ю. Халфин в доказательство собственных суждений, совершенно не подозревая о том, что «знак советского» существует у Маяковского внутри созданной им художественной реальности» [3], как это отмечает А. М. Ушаков, и абсолютизировать его не стоит.

Художественный мир Маяковского несёт в себе колоссальный размах свершающегося действия. «Шаг его лирического героя, – пишет Ю. Халфин, – семимильные вёрсты (это ранний Маяковский), но и советский поэт, склонившись, беседует с Эйфелевой башней, огромной няней наклоняется над лошадкой. Он скажет себе: „справлюсь с двоими, а разозлить – и с тремя“. Сами по себе эти гиперболические образы очень яркие, метафорически наглядны. Но именно это представление (это ощущение себя в мире) привело поэта к трагедии. До революции это была трагедия столкновения могучего титана с Богом... В советские же годы это ощущение своего великанского „я“ привело к краху, к конфликту с обществом и с собой» [1, с.11—12], – заключает автор статьи. Как мы полагаем, ощущение великанского «я» не могло привести художника к краху, не могло привести его к конфликту с обществом и самим собой. Личностный «гигантизм» в стихах Маяковского – это единственно возможная для поэта форма восприятия мира и ощущения себя в этом мире. Но это совершенно не значит, что человек-гигант отделяет себя от этого мира, наоборот он провозглашает свою приобщённость к этому миру, точнее, к той его части, которую составляют люди-будущего, люди-гиганты: «Нам, здоровенным, / с шагом саженьим, / надо не слушать, а рвать их – / их, / присосавшихся бесплатным приложением / к каждой двуспальной кровати» (т.1, с.183—184)! Это имело место уже до революции, в «Облаке в штанах». Но не было никакого «краха» художника под прессом собственной «великанства» и в произведениях 1920-х годов. Наоборот, там вся та же приобщённость к миру, к стране, к родине, на защиту которой поэту помогает встать именно ощущение собственной «физической» огромности. Наиболее ярко это проявилось в стихотворении «Вызов», с самого начала которого автору важно подвергнуть резкой критике государственный «гигантизм» США, подчеркнуть малую значимость этой страны: «Я / полпред стиха – / и я / с моей страной / вашим штатишкам / бросаю вызов». Маяковский идёт на это, чтобы доказать, что Россия в 1925 году, Россия, прошедшая три революции, преодолевшая Первую мировую и Гражданскую войны, сильна по-прежнему и может отстоять свою точку зрения в мировом диалоге держав. Так о России мог написать только поэт, глубоко равнодушный к её исторической судьбе и культуре, поэт-патриот. Ю. Халфин отказывается видеть это: «Его гигантское „я“ не умело шагать в массе с муравьями» [1, с.12]. По мысли Ю. Халфина, «функции космического титана поэт передал вечному, вездесущему вождю. О себе должен был писать „мы“ – „всех времён малыши“. Мы создали его. Я – капля, которая „льётся с массами“. Он даже уверял, что отрадно ощущать себя каплей в массе. Уговаривал себя и нас: „Я счастлив, что я этой силы частица“. Более того, без поэтических метафор, в устных выступлениях повторял: „Какое значение имеет личность по сравнению с миллионами“? Он и в этом был тринадцатым апостолом могучего Духа Тьмы» [1, с.12], – заключает автор статьи, не подозревая, что «самоумаление» лирического героя Маяковского происходило только в контексте грандиозных исторических событий. В поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924) искренняя, неподдельная горечь утраты роднит поэта с тысячами людей, оплакивающих безвременную кончину народного вождя. В состоянии сопереживания, резкой надрывной боли, поэт испытывает чувство единения со всем скорбящим народом:

Отчего ж —
стоящий
от него поодаль —
я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
отдал?
Да не я один! —
Да что я
лучше, что ли!?
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сел —
из кожи вон —
из штолен
не шагнет вперед (т.6, с.240)?!

Состояние непереносимой душевной боли, переживания за смерть Ленина впервые в поэтике художника выносит его самооценку на «рядовой» человеческий уровень. Если до 1917 года поэт кричал: «Грядущие люди! / Кто вы? / Вот – я, / весь / боль и ушиб» (т.1, с.106), то теперь имя его боли – Ленин. В сравнении с ним поэт ясно ощущает даже собственную малую значимость:

Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку
в трауре
вот этой
безграничной смерти (т.6, с.241)!

Полюсы психопоэтики Маяковского сдвигаются. До поэмы «Владимир Ильич Ленин» полюсами его художественного мира были «Я» и «они» (сытые, жирные), однако, начиная с поэмы о Ленине, в произведениях автора происходит смещение художественных «плоскостей», появляются иные художественные ориентиры – «Он» (Ленин) и «Мы» (Маяковский и советский народ).

В поэме пространственная и временная удалённость лирического героя от объекта повествования (Маяковский – ещё смертен, Ленин – уже вечен) помогает автору провести целостное осмысление судьбы политического деятеля. Маяковский поднимает вопрос о необходимости её нового описания и во второй раз предпринимает крупную попытку создания мифа о судьбе человека, «индивидуальной биографической легенды» [4], в терминологии И. Ю. Иванюшиной. Первой попыткой была поэма «Человек», в которой он создал художественный миф собственного бытия. По сути, поэма «Владимир Ильич Ленин» для послереволюционного творчества писателя имеет тоже значение, что и поэма «Человек» для дореволюционного. В поэтике Маяковского лирическое «я» изменений не терпит, эво-

люционирует бытие, в котором это «я» существует. До 1917 года в художественном мире автора была только одна личность (Иисус Христос), судьба которой могла стать для него схемой описания, мерилom жизни, в 1920-е годы – это место занял Ленин. Но судьба советского вождя в отличие от судьбы Христа не имела за собой тысячелетнего опыта «подражания», в 1924 году она только начала признаваться как «таковая». Не было у Ленина «евангельского» свидетельства бытия, библия написана только о богочеловеке. Маяковский первым говорит о необходимости написания своеобразной «библии» «о самом земном / изo всех / прошедших / по земле людей». В своём художественном мире поэт, словно оттеснив всех сподвижников вождя, становится единственным «апостолом» В. И. Ленина, но уж никак не «апостолом сатаны»: «Я / себя / под Лениным чищу, / чтобы плыть / в революцию дальше» (т.6, с.234).

Тупик «концепции» Ю. Халфина предельно ясно обрисовывается в конце его статьи, когда он признаётся, что так и не смог найти ответы на поставленные вопросы: откуда Маяковский «выкопал эту свою излюбленную идею анти-Христа? Антихриста?.. Какая чёрная сила влекла его под эти сатанинские своды» [1, с.12]? Но если Ю. Халфин сам не видит этого «сатанинского» «ядра» в поэтике Маяковского, не видит исходной точки развития авангардного оккультизма поэта, то как же тогда его можно характеризовать и говорить о нём как о состоявшемся и естественном факте? Сатанизма ни как комплекса идей, ни как модели мировосприятия у Маяковского попросту нет, потому и ответы на вопросы Ю. Халфина никогда найдены не будут.

Раиса Штепа. «Рай Александра Фитца»

В московском издательстве «Голос-Пресс» вышла новая книга популярного прозаика и журналиста Александра Фитца с интригующим названием «Утро в раю». Но в авторском предисловии он моментально снял все вопросы, написав, что «...рай не обязательно парадиз и сплошные праведники. Он разный. А главное – у каждого свой. Мой рай – Германия. О жизни в ней я и рассказываю».

Итак, «рай» по Фитцу это – Германия. Но очень уж он своеобразный. Во-первых, населён он массой очень разных людей: грустных, весёлых, искренних, хитроватых, щедрых, скаредных, благородных и не очень, которых объединяет то, что родились они в большинстве не в Германии, а в Советском Союзе, которого, как мы знаем, давно нет. Во-вторых, рай, то есть Германию, Фитц хотя и любит, но в то же время подшучивает над ней. Правда, в основном от него достается чиновникам, разнокалиберным партийным «вождям», всевозможным прилипалам из общественных организаций. И не только германских. Не щадит Фитц и российскую, так называемую политическую элиту, и европейскую.

Следующий момент, на который обращаешь внимание – это то, что яркая, запоминающаяся, порой ехидная выразительность характеристик героев документальных очерков и эссе, включенных в книгу, соседствует с глубокой и оригинальной интерпретацией знаменательных событий современной истории Германии и России, свидетелем, а иногда прямым участником которых довелось быть автору.

Прочитать эту книгу мне порекомендовала живущая в Эссене известный писатель и киновед Татьяна Кушневская, не первое десятилетие глубоко и заинтересованно исследующая взаимоотношения Германии и России, проявляемые в непростых людских судьбах. Так вот, у Александра Фитца тоже судьба не из простых. Сам из волынских немцев. Родился в Северном Казахстане, куда были сосланы его родители. Школу окончил в небольшом узбекском городе Алмалыке. Работал слесарем, помощником машиниста электровоза, потом служил в Армии, а потом неожиданно для всех своих немногочисленных родственников решил стать журналистом. Его отговаривали. Мол, куда ты? Забыл разве, что немцем родился? Но Александр, как догадываюсь, человек упорный и ещё, как он сам пишет, ему везло на хороших людей.

В журналистике он прошёл путь от младшего литсотрудника городской газеты «Алмалыкский рабочий» до главного редактора республиканской молодёжной газеты «Комсомолец Узбекистана», став первым в СССР немцем назначенным после окончания Второй мировой войны на столь высокий и ответственный пост. Правда, с этой должности его с грохотом сняли и даже по сфальсифицированному обвинению хотели отправить на нары, но обошлось. Впрочем, эта уже другая история и другая книга.

Кроме названных изданий Фитц работал в прессе Красноярска, в газетах «Вечерний Ташкент», «Ташкентская неделя», на Узбекском республиканском радио, в выходящей в Москве центральной газете советских немцев «Neues Leben», а, переехав в 1991 году в Германию был корреспондентом Радио Свобода, затем собственным корреспондентом выходящей в Нью-Йорке газеты «Новое русское слово», обозревателем берлинского еженедельника «Русская Германия». Ну а его статьи в основном посвящённые истории, проблемам и жизни российских немцев, а также различным криминальным аспектам (достаточно вспомнить репортаж, перепечатанный едва не всеми газетами «Переход Ельциных через Альпы» или цикл статей «Досье Интерпола») публиковались и продолжают публиковаться в различных журналах и газетах России, Германии, Австрии, Украины и США. Активное участие прини-

мает А. Фитц и в общественной жизни. Он избирался делегатом I съезда немцев СССР, который состоялся в Москве в 1991 году. Был заместителем председателя Всероссийского фонда реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам, членом президиума Конфедерации репрессированных народов России, одним из создателей Всероссийского общества «Возрождение» («Wiedergeburt»). Сегодня он член правления Международной федерации русскоязычных писателей, штаб-квартира которой находится в Будапеште и член Международного сообщества писательских союзов, правление которого расположено в Москве. Он лауреат ряда престижных литературных и журналистских премий, в том числе Союза журналистов Узбекистана (за книгу очерков «Нас три миллиона»), Союза журналистов Чехословакии (за цикл очерков «Маршрутом Фучика»), Союза кинематографистов СССР (за сценарий документального фильма «Глумление»), лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Рубцова и других. И все же власть предрежащие и многие, как не покажется странным коллеги, не очень его любят. Первые, как понимаю, за острое перо, а вторые за талант. Но Фитца это не тревожит. Он убеждён, что любой публичный человек, в том числе и активно публикующийся журналист находится под постоянным прицелом недругов и завистников. Например, великий Шарль де Голль каждое утро просматривал свежую прессу и, если не находил шаржа или фельетона на себя, бросал газеты на пол со словами: «Моя популярность падает!»

С популярностью у Фитца всё в порядке. Свидетельством тому новая, восьмая по счёту книга «Утро в раю», вышедшая в престижном московском издательстве стартовым тиражом в три тыс. экземпляров.

Проиллюстрировал её известный берлинский художник и галерист Слава Николаев, что также говорит о высоком классе и рукописи и самой книги. Обложку оформила талантливая мюнхенская художница и дизайнер Наталия Каррер. И, наконец, вышло «Утро в раю» в серии «Библиотека Гирзекорна». Поясню, Александр Альбертович Гирзекорн – известный российско-немецкий бизнесмен и меценат, решивший финансово поддерживать талантливых авторов из числа российских немцев, а также литераторов других национальностей, пишущих на темы, связанные с судьбой этого этноса, а также о российско-германских отношениях, и то, что начал он с книги А. Фитца символично.

Да, А. Фитц признанный авторитет в этой области. Именно он является автором первой из вышедших в СССР после 1941 г. книг на русском языке («Боль в наследство», 1990 г., Ташкент, «Ёш гвардия»), повествующих об истории и ликвидации АССР НП, массовой депортации и современных проблемах советских (российских) немцев. Другая его книга – «Письмо канцлеру» (Москва, «Голос-пресс», 2009 г.), хотя и вышла на русском языке, была включена в библиотеку Ведомства федерального канцлера Германии. Но, как думаю, не только это повлияло на выбор, сделанный А. Гирзекорном, а то, как написана новая книга Фитца. А написана она талантливо.

Александр Фитц – не только ироничный полемист и блестящий рассказчик, которого часто сравнивают с Сергеем Довлатовым, но и журналист, который любит и умеет раскрывать тайны истории и прогнозировать будущее. Поэтому его повести, рассказы, очерки, эссе никогда не бывают «узконациональны». Они интересны всем. Вот названия лишь некоторых очерков из новой книги: Тайны немецкой души», «Чем Россия не Германия», «Бургер и «немецкое чудо»», «Изгой нашего времени», «Футбол и Восток – дело тонкое», «Парнас амбиций», «Под небом родным чужая земля», «Скромное обаяние диссидентов», «Век вечной ссылки», «Кёнигсберг так и не ставший Калининградом»... Даже простое их перечисление даёт представление о широте интересов автора и масштабе его творческой личности. Ну а завершу рассказ о новой книге блиц-интервью с её автором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.